

Наталья
ДЕВЯТКО

СОКРОВИЩА ПРИЗРАЧНЫХ ОСТРОВОВ

КАРТА И КОМПАС

12+

Наталья Девятко

**Сокровища Призрачных
островов. Карта и компас**

«Автор»

2015

Девятко Н.

Сокровища Призрачных островов. Карта и компас / Н. Девятко —
«Автор», 2015

Таинственный незнакомец отдает одному из пиратских капитанов удивительную карту, на которой указан путь к легендарным Призрачным островам. По слухам, там находятся несметные сокровища. Но карта заколдована: рисунок на ней проявится только тогда, когда капитан соберет новую команду. Случайных встреч не бывает, и вскоре на пиратском корабле оказываются чародеи, воины и даже существа из давнего народа, которых люди считают бессмертными. В этом мире есть феи, драконы, русалки, коварные жестокие враги и смелые преданные друзья. Море – живое и разговаривает с людьми, а звезду можно снять с неба... Много испытаний и приключений ждет корабль с черн

© Девятко Н., 2015

© Автор, 2015

Наталья
ДЕВЯТКО
☼

СОКРОВИЩА ПРИЗРАЧНЫХ ОСТРОВОВ

КАРТА И КОМПАС

2015

УДК 821.161.1
ББК 84(4Рос)6-445

Д 11

Девятко Наталья. Сокровища Призрачных островов. Книга 1. Карта и компас: Роман. – 2015. – 392 ст., с илл.

Таинственный незнакомец отдает одному из пиратских капитанов удивительную карту, на которой указан путь к легендарным Призрачным островам. По слухам, там находятся несметные сокровища. Но карта заколдована: рисунок на ней проявится только тогда, когда капитан соберет новую команду. Случайных встреч не бывает, и вскоре на пиратском корабле оказываются чародеи, воины и даже существа из давнего народа, которых люди считают бессмертными.

В этом мире есть феи, драконы, русалки, коварные жестокие враги и смелые преданные друзья. Море – живое и разговаривает с людьми, а звезду можно снять с неба...

Много испытаний и приключений ждет корабль с черными парусами и его команду, прежде чем они узнают тайну сокровищ Призрачных островов.

© Девятко Н., 2015

© Марковская А. (иллюстр.), 2015

Сокровища Призрачных островов

Карта и компас

Пролог

Море тихо катило темные волны, искрилось призрачным зеленым светом. Казалось, зачерпнешь соленой воды, а в ладонях останется сияние.

Капитан Ярош Сокол стоял на песке, смотрел, как за горизонт опускается луна, отдавая золотистое мерцание волнам, зелена границу между небом и морем. Капитан был среднего роста, подпоясан багровым поясом, вооружен саблей и пистолетом. Легкий ветерок шевелил недлинные пряди темно-русых волос, завивающихся на концах, – сейчас они не были спрятаны, как обычно, под завязанный по-пиратски платок или шляпу.

В соседней бухте встал на якорь красавец-фрегат, но пират не спешил подниматься на борт. Что-то удерживало его сегодня на берегу. Ночь звучала тайной и вслушивалась в голоса и слова людей – это ощущалось всем естеством. Ярош давно не чувствовал ничего подобного.

– О чем ты думаешь, Ярош? Приключения обходят тебя стороной?

Возле кромки прибоя стояла фигура в темном облачении. Ветер трепал спутанные волосы человека, но не касался одежды, сотканной из ночи.

– Чего тебе? – Ярош повернулся к темному существу.

– Хочешь найти сокровища, Сокол? – голос шелестел, будто волна. – Несметные богатства, горы серебра и золота, сундуки, не выдерживающие тяжести драгоценных камней...

– Сокровища! – глаза Яроша жадно вспыхнули, но сразу погасли. – Где они? Где сокровища?

– Смотри, – бледная рука фигуры указывала на море.

Хотя луна уже скрылась, свечение воды усилилось, словно загустело, образуя узорчатые линии. На дне, возле самого берега, нарисованная зеленым светом, лежала карта. Сквозь мерцание волн рисунок казался призрачным, манящим...

Не удержавшись, Ярош зачарованно шагнул к воде. Существо звонко и холодно рассмеялось.

Линии вспыхнули, выцветая, а волна с зеленоватым гребнем вынесла на берег ветхий обрывок ткани. Ярош поднял карту, с которой уже исчезало призрачное сияние. Исчезая, забирало с собой и рисунок. Через несколько мгновений пират уже держал чистый лоскут.

– Карта исчезла, – удивился Ярош, хотя и ожидал чего-то подобного.

Он внимательно присмотрелся к фигуре.

– Так ты желаешь найти сокровища? – переспросила она уже без насмешки.

– А разве есть пираты, не желающие найти сокровища? – засмеялся капитан пиратского корабля. Закутанное во тьму существо уходило прочь от воды. – Постой! Куда ты? А карта?..

Существо оглянулось, из-под одежды пробивалось зеленоватое свечение.

– Карта появится снова, когда ты найдешь тех, в чьих глазах плещется море. Собери команду. Только вместе вы найдете сокровища Призрачных островов.

– У меня есть команда! – рассердился капитан.

– Есть, но не такая. Ищи людей, в чьих глазах плещется море.

Фигура исчезла, будто сдутая горьким ветром.

Ярош Сокол снова посмотрел на карту, повернулся к морю. Его серые глаза сияли: ветер приключений вскоре изменится, надувая черные паруса.

Только где искать тех, в чьих глазах плещется море?..

Глава 1

Тихий приморский городок

"Где же мне найти таких людей? – думал Ярош, идя по пляжу в сторону приморского городка. – Не каждому суждено увидеть горизонт с палубы пиратского корабля".

Возле большого камня сидел юноша, увлеченно что-то рисовал на песке. Рисовал так страстно, что с его пальцев изредка слетали искры.

Неужели повезло?..

Ярош присел подле него.

– Привет, парень. Ты здесь один. Почему?

– А ты? Ты тоже один. Зачем ты здесь? Кто позвал тебя в Элигер? – эхом вернулись похожие вопросы.

Песок резали вихри и водовороты, волны и стремнины, нарисованные так умело, словно были настоящими. Невольно засмотришься на рождение бури.

– Я здесь потому, что я пиратский капитан. Мне нет нужды слушать голоса людей. Море знает несоизмеримо больше...

Юноша поднял взгляд, но не ответил. Глаза его были пусты. Все еще глядя на пирата, он снова потянулся к земле, готовя новый лист. Для новых водоворотов, для нового шторма...

Ярош поднялся, струшивая с ладоней налипший песок. По пляжу шли двое. Обычные, но, будто едва заметной дымкой, овеянные красотой, которую даруют только счастье, а еще – свобода, не знавшая неволи.

Супруги остановились напротив пирата, и женщина грустно посмотрела на юношу.

– Вы с ним знакомы? – Ярош кивнул в сторону художника, на чьи недолговечные картины напознала тень от камня: так тучи скрывают бушующий океан, а еще небытие, тоже не любящее шторма.

– Знакомы, пиратский капитан, – подтвердил Виктор, так звали мужчину.

– Этот чужак недавно вернулся домой, – грустно добавила Ольга.

– Только вернулся иным, невеселым и неразговорчивым, и дома его уже никто не ждал, – Ярош сам не понимал, почему ему открылась часть прошлого этого парня, а имя его осталось сокрытым, в отличие от имен Виктора и Ольги.

Завыл пес тоскливо, далеко...

– Зачем вы пришли сюда посреди ночи? – что-то в этих двоих казалось ему знакомым, согревало.

– Мы хотели... – начал мужчина, но Ольга оборвала его.

– Мы хотели встретить кого-нибудь с корабля с черными парусами, – она одарила капитана очаровательной улыбкой. – Пирата. Мы тоже о морском просторе мечтаем.

Ее глаза тихо светились, будто зеленоватое мерцание сегодняшней ночной воды отразилось в них. Светились морем.

– Для моря пираты – всегда желанные гости. Это торговые корабли оно топит беспощадно. Не боитесь назвать капитаном пирата?

– Не боимся, – кивнул Виктор, а Ольга улыбнулась снова, но теперь море в ее глазах разразилось бурей.

– Меня зовут Ярош. Встретимся в Восточной бухте через четыре дня, – не скрывая радости, откликнулся на желание супругов пират.

Над головами собеседников пролетел дракон. Низко, ведь только учился летать. У дракона была своя дорога.

Они разошлись, не прощаясь. Ярош продолжил путь к городку, строения которого изрыли фундаментами старую пологую гору до самого моря. Светились одинокие огоньки окон. Ночь была тихой, нечеткие тени ложились на песок, казалось, тени застыли в ожидании того, кто потревожит их покой и вмиг разрушит тишину необыкновенной ночи...

Этот городок вблизи главного Элигерского порта не был похож на то ужасное место, где Ярошу довелось побывать однажды. Настоящий пират не впускает в сердце страх, но когда город становится склепом, застывая на границе между жизнью и смертью... Этот городок был другим. Он не умер, не стал ловушкой. Но все города людей живы только временно. До страшного часа, приходящего незаметно, в них звенит детский смех. И никто не знает, возможно, уже завтра темная фигура смерти остановится на одном из перекрестков, и глаза ее будут стеклянными осколками разбитых звезд, светом коих не напоить умирающих...

Ярош остановился. Возле стены ближайшего к морю дома стоял стройный кудрявый подросток в простой темной одежде горожанина. Русоволосого парня звали Хедин. Сокол видел его впервые, но сегодня ночь с радостью открывала пирату Имена, если они не были сожжены колдовским огнем, как и тот обреченный город...

В руках Хедин держал стынущие капли звездного света, похожие на бусины из разорванного ожерелья. Ожерелья, прячущего страшный секрет минувшего и грядущего.

– Ищешь сокровища, пират? – прошептал парень. – Не отыскать тебе их. Звезда сказала мне, умирая, что никому не найти Призрачные острова. Кроме теней, лишенных покоя и блуждающих на их берегах, никому не попасть туда.

Ярош прошел мимо него, не сказав ни слова.

Ветер стелился по лужам, оставшимся после вечернего дождя. Они разговаривали между собой, дождь и ветер, они мечтали быть людьми, но ненавидели людей и презирали, делая вид, что не замечают, ибо люди тоже не почтили их своим вниманием. Ярош научился говорить на языке этих двоих давно, еще до путешествия в ужасный город, который слишком хорошо помнил живым и счастливым.

В подворотне опьяневший старик хвастался перед товарищами, как во главе армады некогда топил пиратские корабли. Но сегодня ночью Ярош знал, что хвастун врет и никогда

не бывал в открытом море. В другой день капитан устроил бы лгуну путешествие в пиратский порт, а нынче старику повезло, ведь пирата звали сокровища.

Станным был тихий городок этой ночью, будто сам желал спрятанного во тьме сокровища. Вспыхнуло, и от пылающих отблесков заклатья разлетелись тени.

Вздрыгнув, Ярош оглянулся.

На него из темноты смотрела женщина. Безымянная, ее необычайные глаза изменялись, словно отражение в беспокойной воде. Она была давней, как сама жизнь, Матерью называли женщину люди.

Ясный свет заклатья угасал, истекал огненными каплями, оставляя следы на стенах, невидимые обычным глазам, холодные, как и само колдовское пламя. Мать тяжело вздохнула, будто что-то сдавило ей грудь, побледнела.

Пират подхватил женщину почти у самой земли. Даже в темноте он видел, что его руки в крови. Давняя была тяжело ранена.

Осторожно прислонив к стене потерявшую сознание женщину, Ярош забарабанил в дверь ближайшего дома.

– Откройте!

В доме что-то громыхнуло, послышался звон разбитого стекла.

– Не открывай, бабушка Катерина! Не открывай! – громко заныл ребенок.

– Цыц, малой, – шаги приближались.

Хозяйка открыла, даже не спросив, кого это принесло посреди ночи.

– Пират! – отшатнулась женщина – еще не старая, но красота уже начала покидать её.

Волосы у хозяйки густые, только пепельные, верно, от рождения. Приметные такие волосы, только не время сейчас об этом думать...

– Тихо! – шикнул на женщину Ярош. – Лучше помоги!

С опаской, закутавшись в платок, Катерина вышла на улицу. Опустилась на колени перед раненой.

– Ты ее...

– Нет, глупая женщина! – рассвирепел Ярош. – Зачем? Сможешь помочь?

Катерина осматривала рану.

– Чем смогу... Неси ее в дом.

Внук молодой бабушки испуганно забежал в темноту комнат, когда пират занес раненую внутрь, положил на лавку. Хозяйка свернула платок и подсунула незваной гостье под голову.

– Я еще вернусь сюда. Узнаю, что с ней...

Пока Катерина набирала воду из миски, Ярош не удержался: погладил Мать по темным косам, в которых никому не суждено увидеть седину. Древний народ... И она одна из давних – не так уж много их осталось на этой земле.

За окном громко засмеялись девичьи голоса, обсуждающие рассказ вруна-пирата. Фальшивым было его счастье, подаренным теми, в чьих глазах никогда не сиял свет воли и свободы.

Ярош задумчиво смотрел на темную улицу, не понимая, почему сегодняшняя ночь согласна отвечать чуть ли не на каждый его вопрос. Он обернулся к хозяйке, укрывающей бесчувственную давнюю легким одеялом. В свете одинокой свечи казалось, что на щеках Матери проявился болезненный румянец.

– Уходи, – повернувшись к пирату, попросила Катерина. – Я ее перевяжу.

– Хорошо. Я приду утром, – но Ярошу совсем не хотелось снова выходить на улицу, в ночь, такую коварную в своей благосклонности.

Хозяйка заперла за пиратом дверь на все засовы. И правильно сделала: возле дома уже стоял другой гость, не менее древний, чем Мать, – забытое существо, которому раньше платили стертymi монетами. Платили, чтобы перевозчик увез их души на другой берег. Много было у него имен, много облиций, как много лиц у каждого из давнего народа.

– Она умрет. Я видел, как ее ранили, – едва слышно сказал Харун, в его голосе чувствовалась печаль.

Он был высок, глаза темные, волосы с сединой. И одежды его черные, но не траурные.

– И зачем ты говоришь это мне, забытый людьми бог? – рука Яроша коснулась оружия.

– Перестань, Сокол, зачем нам драться? Птицы дерзки, но лишь они не страшатся опалить крылья солнечными лучами, поднимаясь над облаками, – Харун не насмехался. – Разве ты ничего не хочешь спросить у меня, Сокол?

– Я никогда не верил в тебя, давний народ сгинул во тьме веков. А пират и двух медяков не отдаст перевозчику, – Ярош с неохотой убрал руку с сабли. – Древние боги мертвы, ибо им нет веры. А ты жив. Почему?

– Сам не знаю. Возможно, на Призрачных островах мне скажут.

Сабля вылетела из ножен быстрее, чем он договорил.

Харун усмехнулся.

– Боишься, человек. А я всего лишь хотел помочь.

– Когда это ты стал помогать людям, забытый бог?

– Я не бог. И родился человеком очень давно. Опустит оружие, Сокол.

– И как ты можешь помочь ей? – Ярош не верил Харуну, но и не боялся, хотел не бояться.

– Возьми давнюю на корабль. Море вылечит ее рану. И меня возьми. Тебе же не ведомо, что встретится на пути, когда твой корабль возьмет курс на Призрачные острова.

– А тебе ведомо? – Ярош все же опустил саблю.

– Нет. Но мне легче договориться с теньями прошлого, нежели вам, людям, – в темных глазах давнего бушевал шторм, и казалось, ночной сумрак, растворенный во мраке, тоже попал в плен к обезумевшей, но пока безмолвной стихии.

Яроша проняло холодом, и давний на мгновение заглянул ему в душу.

– Я приду в Восточную бухту на рассвете. Через четыре дня, – Харун отступил, исчезая среди теней.

Волосы пирата растрепало легким ветерком, отголоском шторма, прилетевшего с моря.

– Не верь ему, – уцепившись когтями за край, на крыше сидела огромная белая птица с янтарными глазами. Заклятые огненные отблески и тени гуляли по черепице. – Не верь давним – порождениям мрака. Ты будешь проклят за то, что якшаешься с силами тьмы.

Улыбаясь, Ярош спрятал саблю.

– Летела б ты отсюда, пташка...

– Ты променяешь свою свободу на дружбу с этим жалким подобием божества? – в голосе птицы скользнули знакомые нотки, огненные отблески едва заметно мерцали и на ее оперении. – А за то, что ты носишь подле сердца, тебя ждут вечные муки. Отдай мне карту, пока не поздно.

Но Ярош лишь высокомерно смотрел на того, кто так старался запугать его.

– Убирайся прочь. Указывай путь истины другой грешной душе.

– Ты пожалеешь, Ярош Сокол!

Птица взмыла к звездному небу. Ее крылья уже не казались белоснежными, на крыше догорали отблески заклатья, осыпаясь серой пылью. Птица летела, борясь со штормовым ветром, неожиданно подувшим с моря, и теряла пышные белые перья, нежданным снегом ложащиеся на землю.

Дверь приоткрыта, золотистый свет выплеснулся на улицу. Ярош толкнул дверь и вошел.

За столом, накрытым синей бархатной скатертью, расшитой золотыми звездами, сидела гадалка, раскладывала пасьянс. Уже немолодая одинокая женщина, чьими роскошными волнистыми светло-русыми волосами и зелеными глазами не соблазнялись мужчины. Все остерегались назвать ее своей женой, пусть какой бы красивой она ни была в юности.

Пират опустил на стул напротив хозяйки.

– Погадай мне.

– А заплатить есть чем? – она даже не подняла взгляд на позднего посетителя.

– Есть, – к золотым звездам добавились три серебряные полные луны.

– Сними, – попросила гадалка, перетасовав карты.

Казалось, женщина взволнована. Ярош с усмешкой сдвинул верх колоды, оставив одну карту. Она и легла в центр.

Гадалка раскладывала пасьянс только ей известным способом, как подсказывало сердце. На мгновение она замерла, прежде чем открыть первую тройку. Русая прядь скрыла бледную щеку.

Выпадала дорога и много испытаний. Рядом ходила беда, но корабль ускользал, теряясь среди волн в последнее мгновение. Сверкали золотом сокровища, и Морской Дьявол хохотал в бездне океана...

Осталась последняя карта, вокруг которой лежали веера открытой судьбы. Гадалку внезапно овеял ужас.

– Открой сам, пират. Я знаю, что там. Ты тоже знаешь.

– Там "Смерть", но я открою, – стараясь, чтобы не дрожала рука, он потянулся к сердцу пасьянса: чародейка рассказала все, что было у него сейчас на сердце, в пророчестве она тоже не ошиблась.

Карта была чистой. Черной.

– Эта не из моей колоды! – ахнула гадалка.

– И часто такое случается? – черная карта возвращала надежду на удачное окончание приключения.

– Карты лгут пиратам, только иногда говорят правду. Как сейчас, так?

– Именно так, – Ярош, не отрываясь, смотрел в глубокие, как море, зеленые глаза. – Как тебя зовут?

– Итана, – женщина растерялась. – Зачем пирату имя гадалки?

– Чародейки, не гадалки, – рассмеялся Ярош. – Хочешь добыть сокровища со мной вместе, Итана?

– А у карт спросить позволишь? – она собрала пасьянс в колоду.

– А они не соврут?

– Мне – нет.

– Тогда они и скажут, где найти мой корабль, – Ярош оставил Итану наедине с картами.

Возле порога дома гадалки лежало тусклое белое перо. Пират поднял его, но не удержал: перо было холоднее осколка льда, холоднее снегов, которыми зимы засыпают землю. Только уже в течение многих лет не приходили на побережье Элигера безжалостные властительницы севера.

Ярош бросил перо в лужу, и оно поплыло по воде призрачным кораблем.

Стоило напиться после всего этого. Чтоб хотя бы отогреться...

Что капитан и сделал.

В таверне было почти пусто: три стола заняты, за одним двое выпивох уснули, ведь ночь клонилась к рассвету. Поэтому никто не обратил внимания на высокую женскую фигуру, пря-

чушую крылья под черным плащом. Или это плащ был крыльями?... Женщина под села к столу Яроша, сняла капюшон, открыв короткие темные волосы.

– Может, хватит пьянствовать, Сокол? – весело спросила она.

– Не твое дело! – огрызнулся пират.

Но, сколько бы он ни выпил, капитан узнал незваную гостью, еще одну из давнего народа, – уходя, ночь назвала последнее Имя.

– Твоей любимой карты не было в колоде. Почему, Марен?

– Потому что я ее вытащила. Наш путь общий, пиратский капитан, – Марен отобрала у Яроша кружку, провела над ней бледной рукой. – Я знаю, какую карту сокровищ ты получил сегодня от моей названной сестры. Я могу указать тебе курс.

– Мой компас укажет мне курс, – пират смотрел на кружку, из которой исчезал желанный ром.

– Тогда я помогу тебе набрать команду. Только больше ты не будешь пить, – давняя ехидно усмехнулась. – Пока не найдешь сокровища.

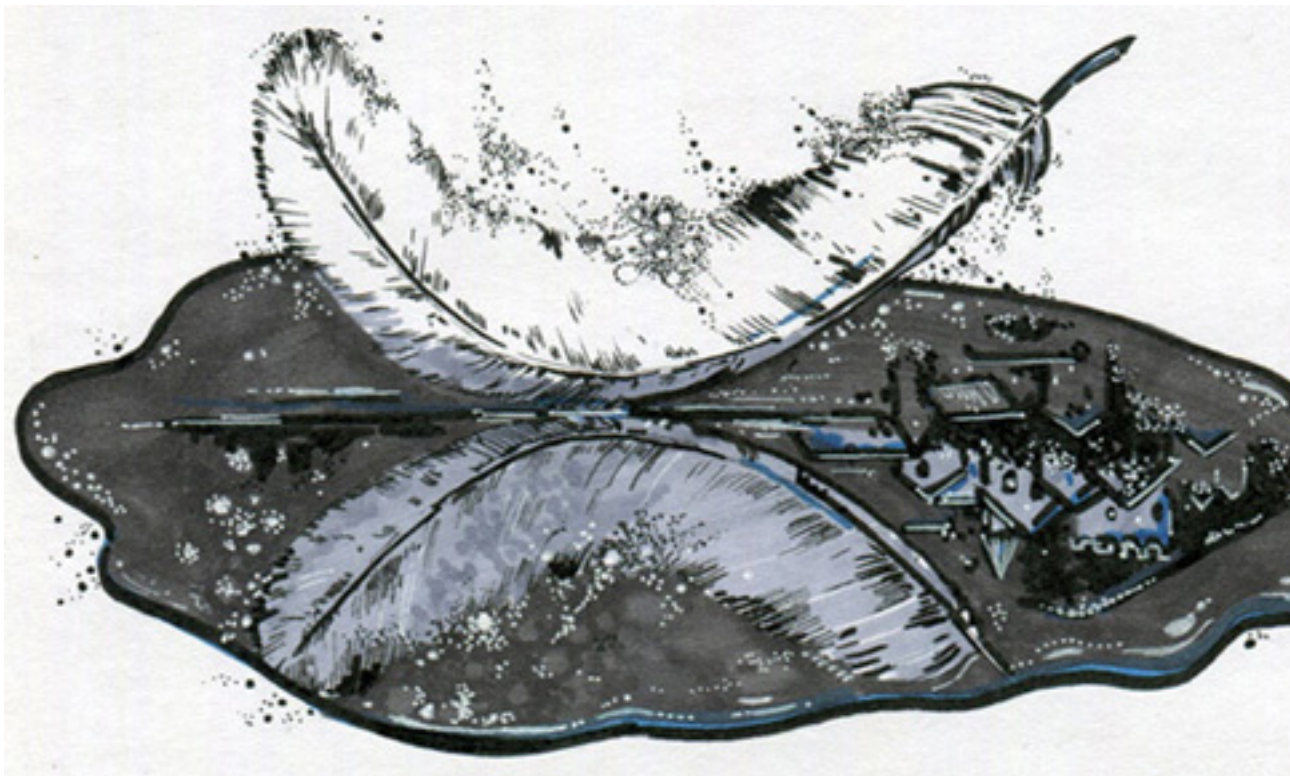
– С какой это радости я должен соглашаться? – хмель слетел с него, исчезнув словно ром. – Я сам соберу людей, способных стать отчаянными пиратами!

– Знаю. И ты уже нашел нескольких. Но взгляни сюда, – она толкнула к пиратскому капитану кружку, неожиданно до краев наполнившуюся прозрачной водой.

Ярош не мог не смотреть. Но о том, что он там увидел, никто не узнает. Обещание или пророчество черной карты, будущее, которое могло таким и не быть, изменили его решение.

– Я согласен, Марен. И кого ты предлагаешь взять в нашу команду?

За окном таверны всходило солнце.

Глава 2

Казнь на рассвете

– Кого я предлагаю? – Марен осматривала зал таверны, поморщившись, когда солнечный луч упал на край ее плаща. – Ее, к примеру...

Ярош проследил за взглядом нечеловечески глубоких глаз. Низенькая девушка собирала грязную посуду. Черные волосы красавицы спрятаны под платком, только одна прядь выбилась, как змея, извиваясь по щеке.

– Ее? – недоверчиво переспросил пират, присматриваясь к девушке внимательнее. – Хотя она больше похожа на королеву, чем на служанку. Но что-то темное в ней есть...

– Не больше, чем во мне. Позови девушку.

– Эй! Принеси-ка нам... – Ярош искоса глянул на улыбающуюся Марен. – Воды. Холодной.

Девушка покраснела и скрылась за стойкой.

– В тебя влюбились, – заметила собеседница.

– Не думаю. Если влюбилась, то в свободу. Много ли она видела в этом городке?

– У нее есть жених.

– Тогда уверен, что немного, а увидит и того меньше.

Вскоре девушка появилась с кувшином, наполненным родниковой водой. Разлила по чистым кружкам.

Ярош выпил до дна, хотя от холода сводило зубы. Марен лишь надпила.

– Что-нибудь еще, господин? – несмело спросила служанка.

– А если у меня больше нет денег? – вопросом на вопрос ответил он.

Девушка понурилась, но уходить не собиралась.

– Почему не уходишь?

Щеки девушки снова окрасились румянцем, она хотела что-то сказать, но дыхание перехватило.

– Поворожить тебе? – Марен улыбалась черноволосой красавице, в ее кружке уже не отражался потолок, уступив место звездам.

– Так же, как мне? Не надо! – быстро вмешался Ярош, закрыв ладонью воду: под тенью звезды растаяли.

– Ворожить грех... – голос вернулся к девушке, изумленно глядящей на странных посетителей.

Марен искоса посмотрела на пирата и тихо промолвила:

– А я и без ворожбы тебе скажу, – взгляд темных глаз остановился на девушке. – Точнее, спрошу: ты отца любишь?

– При чем тут ее отец? – удивился Ярош, заметив, как побледнела девушка.

– Ее отец колдун. Так любишь, Тайра?

– Нет, – прошептала Тайра, у нее голова закружилась, и девушка невольно села на колени к пирату.

– А жениха своего любишь?

– Н-н-не знаю... Н-н-не люблю, – Тайра порывалась встать, но не могла, темные глаза давней лишали ее воли сбежать.

– А море любишь?

– Море... люблю.

– И придешь к морю?

– Да.

Темный взгляд погас, чары развеялись. Тайра вскочила, но по-прежнему не собиралась убегать. Пират и Марен едва не расхохотались, видя ее испуг, борющийся со смелым желанием.

– А если я не приду?

– После свадьбы твой муж захочет забрать тебя подальше от отца, а тот не позволит, и из-за этого наложит на зятя проклятье, отбирающее здоровье и счастье. Но ты же не любишь их обоих, правда?

– Не люблю, – она погрузилась, пряча за печалью радость.

– Вот и хорошо, – Марен наклонилась и подняла с пола какую-то металлическую коробочку. – Ты обронила. Снова твой отец колдовать надумал. Глянь, капитан, не представляешь, сколько бед принесет она тому, кто ее присвоит.

– Капитан?! – восхищенно воскликнула девушка.

– А что, не похож, красавица? – он ухмыльнулся.

– Вы пиратский капитан, – Тайра уже даже не удивлялась. – А на вашем корабле есть женщины? Женщины на корабле не к добру...

– Есть женщины. Женщины тоже капитанами бывают. Я не с одной такой знаком.

– Потом поговорите. Пойдем, Ярош. Тут нам больше нечего делать.

Марен бросила железную коробочку в кружку на столе. Хлюпнув, коробочка утонула. Когда дочь колдуна будет мыть посуду, она найдет вместо заколдованной вещи золотую монету с изображением Восточной бухты.

Городок просыпался. На улицах еще не былолюдно, но на площади собралась толпа. Казнь обычно назначают до рассвета, только сегодня палачи почему-то задержались.

Судили четверых. Глаза парня потускнели от боли, он был ранен. Рядом с ним на коленях стоял по пояс раздетый немолодой русоволосый мужчина; на его спине изгибалось ветвями вытатуированное дерево. И две коротко стриженные женщины, похожие между собой. Руки обеих связаны, а одежда почти одинаковая – черная, кожаная. Взгляды сестер опустошило отчаяние.

Судил преступников темно-русый мужчина, одетый как министр. Только откуда взяться настолько важному человеку в маленьком городке? Но этот высокий мужчина, которому лишь немного за сорок, действительно был имперским министром, звали его Феофаном. Обвинения в запрещенных чарах падали в тишине.

Феофан размеренным шагом шел на скорую руку сколоченным помостом, останавливаясь перед каждым осужденным, будто отпуская им грехи колдовских умений. Синяя мантия не придавала ему облик властного министра, сейчас он больше походил на священника. И только многолучевая рубиновая звезда на золотой цепочке выказывала, какой властью он в действительности наделен.

Ярош не хотел смотреть на казнь осужденных: заклятая птица с янтарными глазами пророчила ему судьбу, не лучшую, чем у этих несчастных. Взгляд пирата плыл над толпой потерянных людей и остановился на бледной Итане. Увидев капитана, она отвернулась, пряча слезы. Светло-русые волосы гадалки спутались, веки все еще ярких зеленых глаз опухли, ведь остаток ночи она горько проплакала.

Министр покинул площадь, с ним ушли почти все солдаты. И зеваки расходились: никому нет дела до мертвых. Да и до оставленных умирать.

Хотя, вероятно, не всем...

Ярош направился к помосту, держа руку на оружие, поднялся по ступеням. Но двое оставшихся солдат не мешали пирату. Не сговариваясь, Итана и Марен тоже оказались рядом.

– Еще жива, – Ярош поспешил развязать одну из сестер.

– Почему нет крови? – казалось, Итану сейчас стошнит.

– Умирать от яда тяжелее, нежели истечь кровью. Так поступают со всеми, кто выступает против Императора, – Марен дунула на ресницы женщины, и они затрепетали. – Не иди по

той дороге, Киш, рано тебе, – и к Ярошу: – Я могу удержать ее на границе, но как готовить противоядие, даже мне не ведомо.

– Моя подруга знает, – Итана немного пришла в себя. – Зорин. Она многое умеет, и никто не знает, откуда она родом. Ее ребенком нашли в колыбели, оставленной морем среди прибрежных камней. Зорин живет здесь недалеко, пойдемте!

Итана словно не осознавала, что открывает чужую тайну незнакомцам.

Оказалось, что Киш даже может идти. Но только опираясь на пирата и гадалку. Так они и сошли на землю. Солдаты в серой форме не двинулись с места.

– Почему они не остановят нас? – удивлению Яроша не было пределов.

– Им все равно. Они выполнили приказ, да и осужденных никто не в силах спасти. Эти солдаты из города, где властвуют пустота и равнодушие. И вскоре все города будут такими, – Марен оглянулась, презрительно посмотрев на солдат. – Тех, у кого нет души, даже я без разрешения не властна забрать. Я могу обрывать жизни. Но их существование принадлежит не мне.

Покидая площадь, они не видели парнишку, обнимающего толстенную книгу. Он не ушел вместе с горожанами, потому и заметил, на какую улицу свернули необычные люди и в какую дверь постучали.

Дом Зорин внутри был совсем не похож на обычное жилье. Словно женщина всю жизнь прожила в другой стране и вдруг решила переехать. Простая мебель, но совсем нездешнего стиля, такую не увидишь на Элигерском побережье. И всюду травы, где только можно их пристроить: живые в горшках и сухие, с любовью разложенные на столе и полках, подвешенные к балкам. А на полу – песок, которого так хочется коснуться босыми ногами.

Открыв Итане дверь своего дома, чернявая, да и сама будто овеванная тьмой, хозяйка отступила к мужчине, стоящему за ней. Светловолосый обнял женщину, защищая ее.

Поймав прозрачный взгляд его серых глаз, Ярош сразу понял, что человеческой крови в нем только половина. Половина принадлежит Морю. Сколько же еще встреч с необычными людьми подарит ему этот небольшой городок?..

– Здравствуй, Зорин, – поздоровалась Итана. – Нужна твоя помощь.

Пират и Марен посадили Киш на низкую лавку.

Зорин, ничего не спрашивая, убрала руку своего защитника и присела подле Киш. Провела по ее губам, понюхала пальцы.

– У них всех один и тот же яд. Но если кто-то узнает...

Не поднимаясь, чужеземка обернулась к Итане. Смуглое лицо было словно выточено из обветренной скалы, будто она сама была той скалой и тем ветром своей далекой родины.

– Никто не узнает, – через силу вздохнув, пообещала Итана. – Мы уплывем... искать сокровища.

Зорин порывисто поднялась, словно эти слова для нее были значимее клятвы.

– Тогда хорошо. Но обещаю выполнить мое желание, – Зорин искала нужные ей травы среди подвешенных связок.

– И каким будет твое желание? – спросил Ярош, кивая Итане, с мольбой посмотревшей на него.

– Уехать из этого города.

– Уедешь, – пообещал капитан.

Светловолосый мужчина молча подошел к Зорин, помог достать пучок травы, на который она указала.

– Нас двое, – спокойно добавила хозяйка.

– Хорошо, – согласился пират, его заинтересовали оба: слишком необычно светятся их глаза, но не ей одной ставить условия. – Если он скажет, в кого превращается в волнах.

Мужчина впервые прямо посмотрел на тех, что непрошенными гостями пожаловали в их дом.

– В волнах я становлюсь дельфином.

Отвар помог, и Киш уснула. Итана тоже спала. Даже Ярош задремал, склонив голову на скрещенные руки: ароматы не высохших трав пьянили. Хозяйка, Марен и друг Зорин, прозванный Дельфином, ведь имя свое он так и не открыл, тихо разговаривали, когда вдруг за окном послышался крик.

Зорин подбежала к окну, отдернула грубую занавеску.

Неподалеку на улице дрались. Рыжая женщина в красивой одежде мужского кроя, отбивалась от двух нападающих. Она отменно владела оружием, но нападающие не уступали ей силой и умением. А их глаза... Их глаза были пусты и мертвы, какими становятся лишь от пережитых страданий, – боль расплавленным железом выжгла сердца этих двоих. Рыжей не победить, сумерки выпьют свет из ее насмешливых карих глаз, а золото волос истлеет.

И не обязательно быть родом из давнего народа, чтобы это почувствовать. Только кто эта женщина, что за ней охотятся такие убийцы?..

Марен отперла дверь.

– Не смейте идти за мной. Только мужчины.

Ярош и Дельфин уже стояли с обнаженными саблями.

Но обагрить лезвия кровью им сегодня не довелось. Из сумерек прыгнула огромная черная кошка и свалила одного нападающего. Другой воспользовался неожиданностью и обманым выпадом выбил оружие из рук рыжей, замахнулся для последнего удара. Женщина покачнулась, пытаясь уклониться от смертоносного лезвия, потеряла равновесие и тоже оказалась на земле.

– Хватит! – от приказа давней, подкрепленного безмолвным заклатьем, зловеще качнулся воздух, меч нападающего переломился.

– С вами все в порядке, госпожа? – Дельфин помог рыжей подняться.

– Не фамильярничай. Я королева! – возмутилась женщина, но помощь приняла.

– Возможно, и королева. Но не здесь, – холодно отметил Ярош: ему не понравилась ее надменность.

– Королева всюду королева! А я Герда – правительница Аталя, – приглаживая пышную рыжую гриву, провозгласила властительница далекой страны.

– Как мы поступим с ними, Марен? – Ярош поднял обломок лезвия и заинтересованно поглядел на узорчатую гравировку, никак не показывая, что он об этом всем думает.

– Стоит их отпустить, лично нам они ничего плохого не сделали, – взгляд Марен плавно перетек от полностью недовольной Герды к немного обескураженному Дельфину, задумчивому Ярошу и невозмутимым чужакам, стоящим рядом. – Хватит на сегодня кровопролития. Слишком много с прошлой ночи ушло из жизни тех, кому еще бы жить и жить...

Великодушные слова, но за ними холод чар, которые плетет давняя, и темные глаза сейчас льдистые и безжалостные.

– Пусть уходят, если они не расскажут...

Но Марен оборвала Дельфина.

– Они не расскажут, это я могу гарантировать. Убирайтесь, пока мы не передумали. Ваша добыча теперь недостижима, и вы это понимаете.

Давняя подождала, когда двое раненных мужчин, поддерживая друг друга, скроются за углом, и направилась к дому.

Пантера подошла к Ярошу, потерлась об его ногу.

– Твоя защитница?

Глаза королевы блеснули еще большим презрением, она поморщилась: на кисть руки стекал тоненький ручеек крови – ее величество зацепили во время стычки.

– Мою пантеру Ужасом Ночи зовут, пират!

– Ужас? Неужели? – пиратский капитан погладил пантеру так ласково, что Герда на миг отбросила надменность и недовольно фыркнула.

Большие золотистые глаза пантеры светились морем.

– Мне нравится твоя подружка. Продай ее мне.

– Не продам. Отвези меня к Александру, тогда я тебе свою пантеру подарю, – сладко пообещала королева.

Ужас Ночи рыкнула, ударив когтями по земле. Королева испуганно отступила.

– Кто такой Александр?

– Ты не знаешь Александра, пират? Он король, правитель земель Аталя и мой муж, – удивилась Герда, но спесь сразу взяла верх: – Без моего позволения Ужас Ночи меня не покинет. И не мечтай, что сманишь ее!

– А она умница, Сокол. Если так дальше пойдет, в твоей команде будет больше женщин, чем мужчин, – Марен не торопилась входить, ждала остальных. – Зайдите внутрь, вечереет, шум мог услышать какой-то патруль.

Герда поспешила спрятаться в гостеприимном доме, за ней вошел Дельфин, а Ярош задержался.

– Если не врет, она – королева Аталя, а эта земля по другую сторону моря, – глядя давней в глаза, сказал Ярош. – У тех двоих имперское оружие, сами они не имперские солдаты, но, отпечаток злой воли столицы Империи на них ощущается. Прошлой ночью я встретил четверых давних, хотя вас почти не осталось в этом мире. Я видел звезду, снятую с неба, и молодого колдуна, воплощенное заклятье, долго живущее само по себе, а прошедшую ночь пронизали такие могущественные чары, что их отзвук звенит до сих пор. Что здесь происходит? Скажи мне, Марен.

Давняя отвела глаза, задумчиво вздохнула.

– Я расскажу тебе, Ярош Сокол. Но не теперь... Когда мы выйдем в море, и оно сможет всех нас защитить. Можешь не верить мне, но ты знаешь, что было бы сейчас, если бы я не говорила тебе правду.

– Договорились, – чувствовалось, что на самом деле у пиратского капитана нет выбора. – Я помню, при каких обстоятельствах мы встретились впервые, и поэтому – да, я понимаю, что на том помосте мои муки бы не закончились. Только я никак не пойму, зачем ты это делаешь.

– Просто прими мою помощь, если сможешь, пиратский капитан.

– Я уже ее принял, – усмехнулся Ярош. – В команде моего корабля еще не было давних.

Он вошел в дом. Марен переступила порог последней, но, прежде чем запереть дверь, она нарисовала на дереве защитный знак, призрачный свет которого очень быстро поглотили сумерки.

...Ярош Сокол шел по городу. Светило полуденное солнце. Но оно гасло в плену блеклых туч. Такие тучи несут в чреве не животворную воду, а погибель. Ярош понимал, что нужно, во что бы то ни стало, спрятаться от этого дождя, ведь иначе он тоже бесславно сгинет. Только где схорониться от такого ливня?..

Ослепительно вспыхнуло наверху, но за молнией не последовали раскаты грома. Воздух менялся, напиваясь отзвуками зловещих заклятий. От страха сдавило внутренности, скрутило их в клубок.

На улицы выходили испуганные люди, переговаривались между собой. Они не понимали, но чувствовали, что творится что-то ужасное. А тогда беззвучно полыхнуло снова, будто молнии набросили мерцающую сеть на город, поймали его в неразрывные сияющие тенета.

Ярош не выдержал, поддался страху и побежал. Только был он сейчас не Ярошем Соколом, капитаном пиратского корабля, а маленьким мальчиком, которого мог утешить лишь родной человек.

Упали первые капли, и жителей города охватила паника: они бежали, куда глаза глядят, но ни для кого не было спасения в тот жуткий день, обратившийся мраком древнего заклатья.

Мальчик убегал от черного дождя, тяжелыми каплями барабанившего по городу. Дождь сжигал все живое, чего касался, а на каменных стенах когда-то счастливых домов оставлял темные маслянистые разводы. Кто-то падал сразу, некоторые продолжали бежать, словно не замечая, что с ними происходит под действием чар: пеплом отлетали волосы, одежда, кожа, тело...

Заклятье влияло на каждого по-своему, но оно мучило и убивало – кого-то безмолвно, а кого-то терзало, заставляя кричать и корчиться на брусчатке, царапая себя, как будто это могло унять боль.

Но хуже криков были рыдания под запертыми дверьми. Люди просили родных и соседей, которым посчастливилось спрятаться от заклятого дождя, впустить их в дома, но спасенные оставались глухи к слезам и мольбам тех, кого еще вчера уважали и любили. Ужас близкой гибели перечеркнул верность, любовь, восхищение, семейное счастье – перечеркнул все доброе, что было на той земле.

Серый морок заклатья, черный дождь и красная кровь... Три цвета, оставшиеся в мире в тот день. Кровь красная, и безумие того же цвета. Когда к черному дождю примешалась кровь, те, кто еще держался под натиском заклатья, сдались. Они бросались на соотечественников – кто одержимый безумством жестокости, а кто, чтобы избавиться от страданий своих близких. Они мстили за равнодушие и спасали от безумия, коснувшегося их самих черными каплями заклятого дождя.

Гордый и свободный город умирал, теряя своих граждан одного за другим, и некому было его защитить. Преданный город захлебывался во мраке и боли. А когда земля напилась вдоволь, между камнями брусчатки выткнулся первый росток пшеницы, алой, как пролитая невинная кровь.

В проклятом чужой волей городе вырастали красные цветы – подснежники и орхидеи, розы и ромашки... Кровь засеивала улицы рожью и пшеницей смертного урожая, а по стволам и ветвям деревьев ползли багровые побеги плюща, стелились коврами сочные алые травы. Там, где гибла человеческая жизнь, рождалась новая, жуткая и смертоносная для всего живого.

Запыхавшийся мальчишка добежал до своего дома, заглянул в приоткрытую дверь. Темно, пусто...

– Мама! Мама! Где ты, мама? – причитал мальчишка, оббегая дом.

Во дворе цвели ярко-красные мальвы, которых еще утром здесь не было. Земля густо усыпана пеплом.

Мальчишка оторопел, сердце натужно стучало болью, стремясь пробить грудную клетку.

Справа от ребенка возникла тень, становясь красивой женщиной в длинном полотняном платье.

– Иди ко мне, сынок, – ласково позвала она. – Позаботимся вместе о нашем новом цветнике.

Она ступила шаг к мальчику, но тот испуганно отшатнулся от тени, превратившейся в его мать.

– Нет! Ты не мама! Ты не моя... мама!

Мальчишка убежал назад, на улицу, но и там зловещим алым пламенем мерцали живые цветы преждевременного оборванных жизней. Цветы манили коснуться их, сотнями голосов молили прекратить их страдания, разделить их боль...

Красные цветы и тени тех, кто так и не переступил черту смерти, чтобы когда-нибудь родиться снова или стать частью мира, как говорили мальчику учителя в школе. Красные цветы, тени и мрак древнего заклатья... Недолгий ливень оставлял проклятый город, выжигая своей не полностью растроченной силой всю долину.

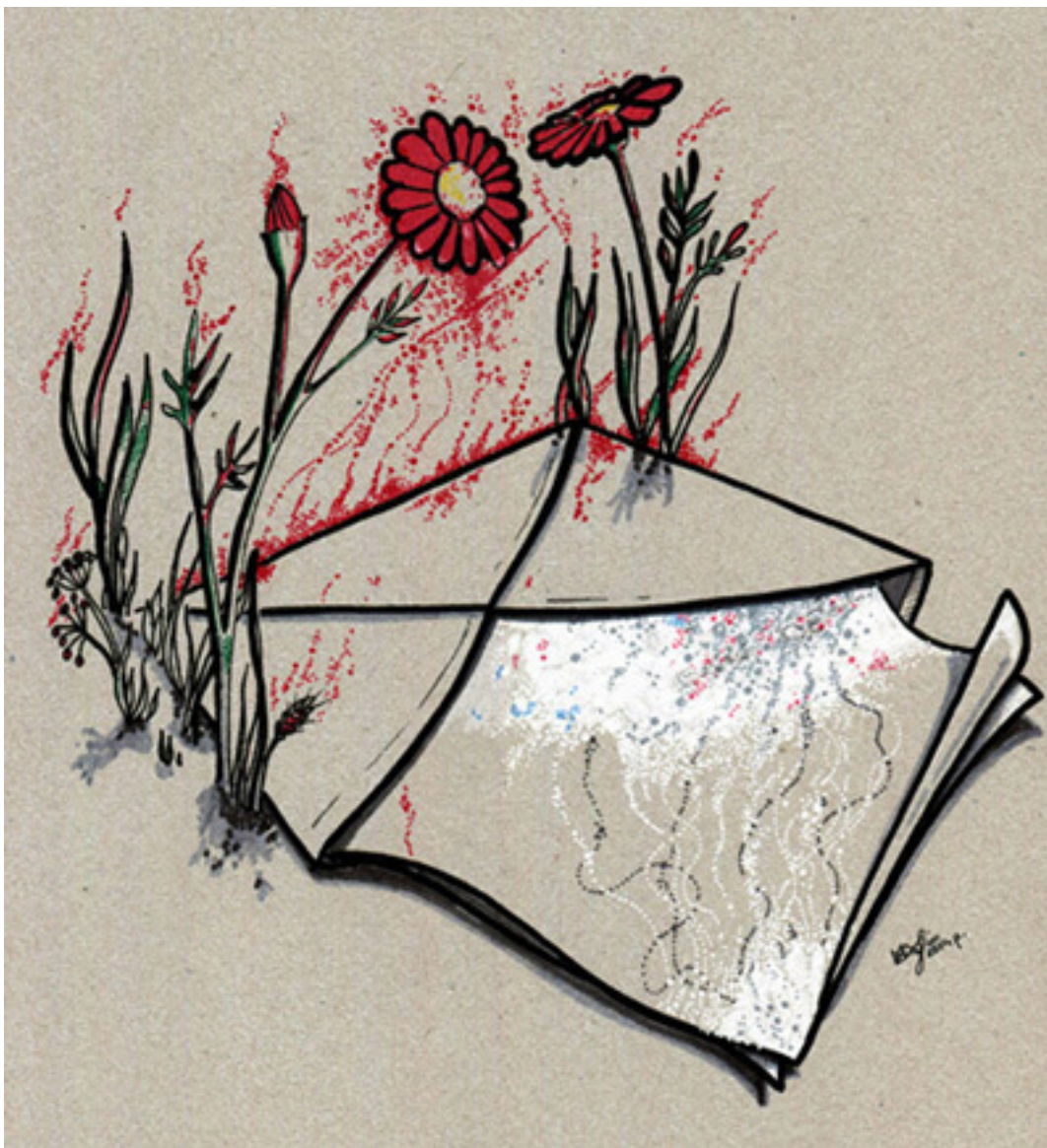
И больше не будет друзей, с которыми можно играть, не будет требовательных учителей, что так много знают, не будет мамы...

Мальчик упал на колени и расплакался. Тень матери склонилась к нему, нежно коснулась щеки, стерла слезы.

– Сыночек, ты не одинок. Я так мало видела тебя в последнее время, с тех пор как ты пошел учиться. И зачем тебе учителя, если мы можем быть вместе вечно? Чему такому тебя могут научить, чего бы не знала твоя родная мать? Иди ко мне, я тебя обниму...

Все еще не сдерживая задушенные рыдания, мальчишка повис на шее той, которая была так похожа на его маму, и тень осторожно обняла его, привлекая к себе.

Она уже не отпустит его, не позволит снова почувствовать одиночество, и то, что он пережил черный дождь, еще ничего не значит. Пепел к пеплу, а на крови вырастают такие ароматные огненные цветы...

Ярош стоял посреди темной улицы, где под домами разрослись роскошные красные ромашки.

– Сорви нас... Сорви нас... – ласково шептали ромашки, качаясь в такт своим словам. – Узнай, любит ли кто тебя?... Ждет ли тебя возлюбленная?... Спроси не у звезд, спроси у нас о своей судьбе...

Пиратский капитан и хотел бы избавиться от этого кошмара, но не знал, куда идти. Он заблудился в проклятом городе, где властвовали мрак ночью и сумрак днем. Во второй раз не находил отсюда путь.

– Ярош, – тихо позвал мужской голос.

Пиратский капитан оглянулся.

К нему шел мужчина в синей форме почтальона с кожаной сумкой, перекинутой через плечо. Он был среднего роста, темные каштановые волосы редкими волнами ниспадали на плечи. Не тень, но разве поймешь наверняка в густом полумраке?..

– Пиратский капитан Ярош Сокол? – спросил незнакомец.

– Да. Чего тебе? – насторожился пират.

– Вам письмо, капитан, – почтальон протягивал ему синий конверт.

– Дай сюда, – Ярош вырвал конверт из его руки, вскрыл.

Но внутри лист оказался чистым.

– Здесь ничего нет!

– Вы напишете здесь все, что захотите передать своим друзьям, – эти слова мужчины произнес очень ровно, верно, не в первый раз. – Я передам письмо тем, кто остался в земном мире.

– Но я... я жив, – Ярош огляделся: ужасный город исчез, они стояли посреди безграничного пространства, у которого даже горизонта не было.

Почтальон кивнул в знак подтверждения, лист в руках Яроша таял туманом.

– Если я жив, почему ты пришел ко мне с таким словом?

– Возьми меня с собой, – проговорив это, тень почтальона отступила. – Я сам найду тебя, пиратский капитан.

По серым кочкам, словно по облакам, шла Марен.

– Пойдем назад, – бесчувственно сказала она, – на площадь, мимо красных стен, мимо дворца, мимо безмолвной стражи.

– Не верь ей, – тихо предупредил почтальон.

– Пойдем, – Марен протягивала руку.

Но в глазах у давней не было темной глубины!

Ярош отшатнулся.

– Назови мое Имя, и я пойду с тобой!

– Ты и без Имени пойдешь со мной, человек, – прошипела она, меняясь...

– Ярош, проснись! – Итана трясла его за плечи. – Проснись! Проснись!

Вдохнув так глубоко, словно только что не дышал, Ярош вырвался из паутины жутких сновидений.

– Почему он такой бледный? – рядом с Зорин и Итаной стоял Дельфин.

Гадалка села на лавку, закрывая лицо, она испугалась, увидев отражение страшного сна, в плену которого так долго пробыл пиратский капитан.

– Еще ночь? – спросил пират, ему нестерпимо хотелось умыться, чтобы смыть с себя грязь сна, такого похожего на воспоминания.

– Уже ночь, – ответила Зорин. – Ты спал весь день. Твоя подруга... Марен запретила тебя будить.

– Значит, день впустую. Мы никого не нашли, – теперь, когда сновидение отступило, он сожалел о потерянном времени.

– Мы нашли, – похвастался Дельфин. – Знакомься, капитан!

Он отступил. Возле камина сидел крепко сбитый мужчина, похожий на медведя, и ел, ни на кого не обращая внимания.

– И снова не совсем человек, – улыбнулся пират.

– Берном назвался. Итана в городе встретила, – Зорин тоже с улыбкой посмотрела на мужчину-медведя. – Берн умелый стрелок. Я видела, как он в подброшенную монету попал. И с Киш, которую вы от казни спасли, все хорошо будет.

– Откуда знаешь? – недоверчиво спросил Ярош.

– Карты Итаны знают.

Дверь открылась. Вернулись Герда с пантерой и Марен. Увидев, что Ярош смотрит на них с недоверием, Марен усмехнулась.

– Очнулся наконец-то, Сокол, – сказала она. – Белым перышком палец не уколол, а?

– Это были не мои воспоминания. Не все мои воспоминания, – Ярош поднялся, решив немного прогуляться, побыть на свежем воздухе казалось сейчас даже более важным, чем поужинать.

– Не все, но земля помнит. Помнят живые и помнят мертвые, а ты был там не так давно, – безжалостно рассмеялась Марен.

– И ты тоже каждое мгновение помнишь о содеянном, правда? – с вызовом спросил Ярош, смело глядя на давнюю. – Как помню я сам, насколько бесчеловечно поступили с тем городом. Не потому ли мне все это приснилось?

Улыбка Марен стала еще холоднее, но она ничего не ответила.

Пиратский капитан ушел в ночь. На перилах балкона одного из домов сидела белая птица. В янтарных глазах притаился пламенеющий мрак, но оперение уже не было таким роскошным – заклятье доживало свои последние часы.

– Отдай карту. Отдай карту. Отдай карту, – нагоняло пиратского капитана злое эхо чужой воли, но город больше не был маревом кошмара.

Глава 3

Новая команда

Утром Итана и Зорин улаживали последние дела перед отъездом, Киш помогала спасительнице складывать травы, которые та намеревалась взять с собой. Герда и Марен снова куда-то исчезли, а Ярош, Дельфин и Берн засели в таверне скрепить знакомство полными стаканами. Только капитан пиратского корабля и капли в рот не брал. Ярошу стоило изрядных усилий, чтобы не присоединиться к новым знакомым: выпивка была единственным спасением от показанного ему во сне птицей, сотканной из чужих чар, такой знакомой белой птицей... Выпивка могла бы согреть остывшее сердце, прогнать злое воспоминание, но затуманила бы разум, а этого допускать было никак нельзя.

Люди не слишком охотно подходили знакомиться с чужаками. А те, кто осмеливался на это, обычно были странными, не похожими на большинство, – не плескалось море в их взглядах. Жажда приключений не вела их опасным путем, а отчаянность не направляла руку, что могла казнить и дарить прощение. В себя смотрели они, не замечая окружающего мира, живя только собой. Их лица не запоминались, и пиратский корабль не мог стать для них приютом, ибо не было радости в пустых сердцах, а когда нет радости, нет и покоя морского полотна.

Только один остался за столом искателей приключений – молодой мужчина со взглядом пирата, хотя в море, судя по его словам, никогда не бывал. Но пиратство в крови, это всем известно.

Познакомившись с новеньким, которого звали Максом, решили сделать перерыв на обед. Берн пошел поболтать с трактирщиком, а Ярош остался с Дельфином и Максом. От разговоров капитан устал больше, чем от славных стычек и грабежа торговых судов.

К столу подошел кудрявый парень лет семнадцати.

– Привет, Ярош Сокол.

Ярош посмотрел на него, узнавая.

– Ты его знаешь? – спросил Дельфин.

– Неважно. На пиратский корабль хочешь попасть? Да, колдун?

– Да, – хищно улыбнулся Хедин. – Я не оракул, но мне известно, что с вами будет.

В его серых глазах когда-то тоже волновалось бурное море, но сейчас оно почти исчезло.

– Убирайся, – холодно ответил Ярош. – На корабль я тебя не возьму. А без моего разрешения ты на борт не поднимешься. Сам знаешь.

– Вы еще пожалеете об этом! – откликнулся парень и затерялся в дымном чаде.

Среди дыма захохотал мужчина, он рассказывал, как люди наивно ждали подарков от высших сил, насмехался и над людьми, и над древними богами.

– Мне кажется, мы никого здесь больше не найдем, – Дельфин поглядел вслед колдуну. – Они ненастоящие. Даже тот, что твердит, будто подружился с драконом. Они все обманывают

и себя, и нас, выдавая желаемое за действительное. Если ты считаешь, что здесь остался кто-то, кто должен пойти с нами, капитан, мы еще подождем, но, я думаю, зря.

– Я тут только одного настоящего дракона видел, да и тот еще нормально летать не умеет, – поддержал разговор Берн, возвращаясь к столу.

– Я его тоже видел, – подтвердил Ярош. – Если дракон настоящий, быстро летать научится.

– А это еще кто к нам идет? – Макс смотрел на пожилого мужчину, с удивлением разглядывающего таверну.

Мужчина был одет просто, но опрятно и как-то не по-здешнему. И Макс подумалось, что обычного работника, уставшего от серости однообразной жизни, забросило в тихий провинциальный городок, а ему кажется, будто он попал в разбойничье логово.

– Я видел чудо однажды, – сказал Владимир тихо, словно боялся, что его примут за сумасшедшего и прогонят. – Давно-давно, в детстве... А три дня назад я видел еще одно – корабль с черными парусами. Пиратский корабль.

– И что в этом странного? – Ярошу незнакомец понравился, но чувствовалось, что они родились в разные столетия. – Все моря принадлежат пиратам.

– Я никогда не видел моря, – сознался Владимир. – Я всю жизнь тяжело работал, чтобы добыть хоть немного денег. А моря не видел.

– Так посмотри в окно – там море, – удивился Дельфин.

– Ничего вы не понимаете, – Макс искренне сочувствовал этому пожилому мужчине. – Он действительно не видел моря. Он родился не здесь. Как и я.

– Как же вы попали сюда? – теперь Дельфин не поверил.

– Нас всех позвали сокровища. Мы желаем их найти. Ты и не таких увидишь, – вместо Макса ответил Сокол и дружелюбно посмотрел на Владимира. – Ты в команде.

Ярош был прав: в пиратскую команду еще просились разные люди, но их глаза были пусты. А когда пристойные посетители разошлись, а все оставшиеся захмелели, на стол к пиратам слетело симпатичное существо. Маленькая девочка, только с белыми крылышками, похожая на ангелочков, которых углем рисуют дети.

– Ваш корабль черный. Ему света не хватает. Я буду вашим светом!

Ярош вспомнил высокомерную королеву Герду и ее пантеру с золотистыми глазами, представил рядом с ними это крылатое существо, которое уже насупилось, собираясь обидеться. И звонко рассмеялся.

...А Герда стояла над морем, и Марен держала ее за руку, не давая сорваться в бездну. Реальность это была, или очередное обманчивое сновидение?

Но над пропастью карие глаза королевы ярились бурей сильнее взбешенного моря...

Ночевать мужчины остались в таверне, но утром Ярош решил не ждать, а попробовать самому поискать в городе тех, кто был ему нужен. Если этот берег такой необычный, он может подарить еще не одну интересную встречу, и тогда, возможно, карта появится снова. Только сначала пират хотел посетить кузницу: местный кузнец славился своим мастерством далеко за пределами Элигерского побережья. Это и была причина, почему Ярош направил свой корабль к этому порту.

В пустом зале таверны две девчонки обсуждали план abordжа торгового судна. Они слишком много выпили, и над их глупыми замыслами уже и чайки бы посмеялись. Если б этих мечтательниц на Тортугу, они бы стали настоящими морскими воительницами, но делать им такой подарок Ярош не собирался. К девушкам подсел немолодой мужчина, тот самый, что несколько ночей назад спяну тоже похвалялся своими выдуманными подвигами. Девчонки

приняли товарища в компанию с глуповатым хихиканьем. Но Соколу были безразличны подобные компании.

Окна кузницы оказались забиты, а дом оставлен на произвол судьбы. Соседи сказали, что мастер съехал неизвестно куда, отправился в путешествие за собственными приключениями.

Жаль...

Ярош достал свой компас, стрелка затрепетала, но не пошевелилась. Что ж, это даже не странно – отголоски промолвленных здесь заклинаний чувствуются и сейчас, почти неуловимые, если не вслушиваться, но компасу достаточно.

Пиратский капитан осмотрелся, решая, куда ему идти. Городок проснулся, и по улицам ходили занятые своими делами люди – ремесленники, непринужденно одетые женщины и дети, которых приучают к тяжелой работе с малых лет. Но от людей Ярошу сейчас хотелось держаться подальше, подмывало остаться наедине со своими мыслями.

Он шел пологой горой, минуя каменные дома и аккуратные дворики. Дорога расходилась надвое и, подумав, Ярош решил отойти от человеческого жилья и повернуть к высоким деревьям, оставшимся от леса, который, вероятно, когда-то рос на этом берегу едва не до самого моря.

Хотя гору следовало бы назвать высоким холмом, но вид с нее открывался необыкновенный: довольно широкие улочки городка, часть из которых уже выложена брусчаткой, небольшой порт в заливе, где пришвартовались две рыболовецкие шхуны, на другом крае поблескивает куполами приземистая церковь. Словно почувствовав на себе взгляд пирата, в церковной звоннице трижды ударили в колокола, и гулкое эхо разлилось над городком.

Тихо, мирно, и совсем не чувствуется дух Империи, хотя имперские солдаты здесь были, а помост на площади еще не полностью разобрали. Вот только как долго горожане будут помнить казнь, свидетелями которой невольно стали? Или будничные дела уже заслонили собой увиденное? И кому достанутся доски с помоста? Их сожгут, сохранят для следующей казни или используют для постройки чего-то вполне мирного?..

Ярош сел на траву и засмотрелся на сверкающее солнечными бликами море. День выдался погожий и безветренный, морская гладь лежала не потревоженной, и казалось странным, что лишь несколько дней назад штормовой ветер пролетел над городом. Море тоже откликнулось на чары, защитив себя и людей тем ветром, так и не поднявшим бурю.

Пират снова поглядел на компас, стрелка качнулась, но полный круг не сделала. Если так, то придется полагаться исключительно на свои собственные предчувствия, а несколько ответов сейчас совсем не помешали бы.

Ярош спрятал компас и посмотрел на горизонт, где чистое небо соединялось с необыкновенно спокойным морем.

Он привел пиратский корабль к этому берегу, чтобы встретиться с кузнецом, который последнее время жил в этом городке. Смеркалось, особо времени на поиски не было, капитана ждала лодка, но в воздухе витал отзвук стольких не промолвленных и не воплощенных чар, что Ярош мешкал с возвращением. Лодка отплыла, а через четыре дня, на рассвете, как и было условлено с пиратской командой, корабль должен был ждать своего капитана в далекой Восточной бухте. Бухта была защищена скалами от ветров и чужих взглядов, вход в нее преграждали три рифовые гряды, проходимые только в том случае, если знаешь дно, или если твой корабль благословляет само Море.

А что-то таки невероятно важное происходило здесь, когда Ярош Сокол оказался на берегу, и дело даже не в подаренной ему зачарованной карте. Здесь встретились давние, много давних, если учесть, что трое из них нашли его сами. И что же здесь случилось, если одну из давнего народа тяжело ранили? Что натворили те чародеи, которых поспешно казнили, не решившись везти в столицу? Кто они? Да и молодой колдун может только внешне казаться

юным, а на самом деле немалая сила и умение нужны, чтобы держать в руках снятую с неба звезда звезду... И почему сюда приехал имперский министр?..

Вопросы, вопросы, вопросы, на которые нет ответов. Только растревоженные воспоминания и очень много чародейства, потому и молчит компас, ведь еще не все заклятия полностью ушли в землю, а некоторые, самые сильные, отзвуки, воплотились в другие сущности, как та белая птица с льдистыми перьями.

Яроша передернуло при воспоминании о прикосновении к белому перу. Не стоило его поднимать, и, возможно, давняя не напрасно запретила будить его ото сна, навеянного прикосновением к заклятью. Хотя могло быть иначе: в пытках Марен знала толк... Он рискнул, поднимаясь на помост, охраняемый имперскими солдатами, но давняя не отдала приказ арестовать пирата, хотя это было бы проще всего, учитывая, кем она в действительности является.

Давние хотели удрать отсюда по морю, просились на его корабль, все, кроме той, что подарила пиратскому капитану карту. Молодой колдун Хедин тоже стремился попасть на пиратский корабль, будто знал значительно больше о той ночи, чем захотел бы рассказать, и, похоже, что ночь тоже открывала ему Имена и отвечала на вопросы.

Тогда в городке чар было столько, что их почувствовали все, у кого была к этому хоть малейшая склонность: пришли на пляж Виктор и Ольга, рисовал на песке, почти творя чародейство, странный парень, не спала гадалка Итана, да и вообще мало людей поддавалось усталости и заснуло. Но и люди, живущие здесь, оказались весьма необычными: в жилах Берна и Дельфина только наполовину текла человеческая кровь, скрытое чародейство чувствовалось в Тайре, и откуда в действительности родом Зорин, даже пиратскому капитану было трудно представить.

Сильные чары манили и тайно указывали путь, как тому симпатичному существу с белыми крылышками, прилетевшему к ним вчера вечером. Как приманили они молодого дракона, который сейчас кружит над морем, нежась в ласковых солнечных лучах. Драконы всегда льнут к чародейству, но не все научены чувствовать чары, как и видеть самих драконов, когда они того не хотят.

Возможно, привели сюда чары и королеву Аталя. Хотя высокомерную Герду так стоит еще расспросить, что же она забыла в чужой провинции?.. И, может так случиться, что и давний народ что-то расскажет пиратскому капитану в благодарность за путешествие на корабле с черными парусами.

Ярош улыбнулся собственной мысли: когда же это давний народ был благодарен людям за помощь?.. Но больше всего сейчас пирата тревожил мужчина, явившийся ему во сне, навеянном отзвуком заклинаний. Он тоже был полувоспоминанием, тот почтальон, доставляющий письма в синих конвертах... Такое далекое прошлое, которое так и не удалось утопить в выпивке. А теперь... теперь хочется жить: искать сокровища на далеких островах, разгадывать тайны тех, кто хочет стать частью команды на пиратском корабле, и вслушиваться в шепот моря, чей голос иногда так легко позабыть...

Сверкнули золотые крылья дракона, когда тот нырнул под воду, и через несколько секунд взлетел снова, рассыпая брызги. Дракон рыбачил достаточно близко от берега, а это значит, что там для него опасности нет.

Что ж... можно и пирату поглядеть на дракона поближе. Ярош отыскал едва заметную тропку среди трав, ведущую вниз в нужном направлении.

Тем временем в таверне друзья совсем заскучали. Прошло полдня, а с ними почти никто не поздоровался. Сегодня люди тоже обходили искателей сокровищ стороной.

Дельфин и Берн как раз убеждали Макса, что сидеть тут – напрасный труд, когда слышались крики и громкое обиженное мяуканье.

По таверне несся большой черный котяра, такой упитанный, что пузо мешало ему бежать.
– Сириус!

Кот оглянулся и попробовал запрыгнуть на стол, но живот перевесил, и он лишь ухватился когтями за край. Дельфин и Берн захохотали. Макс поймал кота, чуть не шлепнувшегося на пол.

– Отдай! – возле него остановилась запыхавшаяся девочка.

Она тяжело дышала, темные русые волосы до плеч запутались, самые короткие пряди падали на глаза, и девочка недовольно сдувала их.

– Ты кто? – Макс приласкал кота, который хоть и весил достаточно много, но эта тяжесть не оттягивала рук.

Кот замурлыкал.

– Роксана. Отдай моего кота! – топнув ножкой, пожелала девочка, и уже к коту: – Мой маленький. Сириус, иди ко мне.

Она потянулась к любимцу, но Сириус крепче всадил когти в Макса. Парень лишь вздохнул, а глаза Роксаны блеснули уважением. Она тряхнула волосами, укладывая их на место, – стало немного лучше.

– Ты его не знаешь. Он бешеный. Носится, как очумелый.

– Роксана, а что мы здесь делаем? – девочку за плечи обняла молодая женщина, Роксана была на нее очень похожа.

– Действительно, доченька, что мы здесь забыли? – слышался голос отца, и дочка совсем растерялась. – И где мы взяли эти лохмотья?

Если бы Макс был вместе с Ярошем той ночью, когда пират получил карту, то узнал бы в этих людях Виктора и Ольгу, а так они для него просто были родителями девочки с непослушными волосами. Парень опустил черного кота на пол, и Роксана сразу взяла любимца на руки, хоть так избавляясь от материнских объятий.

– Я ничего не сделала, – попробовала оправдаться она.

– Да? Ну конечно, – брови отца насмешливо взлетели. – А не должна ли ты сейчас ехать к тетке?

– Я ее не люблю, – девочка отвернулась.

Макса семейная размолвка не касалась, но ему почему-то было жаль этого ребенка, он и сам был таким взбалмошным в свои четырнадцать.

– Пойдем, Роксана, ты еще успеешь уехать сегодня, – Ольга старалась договориться с дочерью.

– А вы? – она неожиданно резко повернулась к родителям, и глаза девочки снова вспыхнули, но уже гневно. – Что будете делать вы?

Тут уже родители стушевались.

– Поговорим дома! – отрезал Виктор, подтолкнув дочку к выходу.

– Я все равно убегу, – пробурчала Роксана, Сириус спрыгнул с ее рук.

Семья вышла на улицу, а Макс неожиданно для себя подумал: "Что там о море говорил Ярош? Не о таких ли глазах?"

– Эй, подождите!

Ольга, Виктор и Роксана остановилась. Макс догнал их.

– Можно мне кое-что спросить у вашей дочери?

Виктор и Ольга переглянулись.

– Спрашивай, – нехотя согласилась Ольга.

Макс и Роксана отошли на несколько шагов. Кот обогнал их и легко оказался на заборе. В зеленых глазах животного сияли звезды, словно там действительно поселилась пара жительниц ночного небосклона.

Макс усмехнулся и, убедившись, что родители не пошли за ними, смерил девочку заинтересованным взглядом. Роксана потупилась.

– Что?

Макс погладил кота.

– Странный он у тебя. Такие штуки вытворяет. То боится тебя, то не отходит.

– Корабль с черными парусами, – бросив взгляд на родителей, сразу перешла к делу девочка. – Они проговорились, что Ярош возьмет их в путешествие.

– Капитан Ярош, – неосознанно исправил ее Макс, но Роксана не обратила внимания.

– Плевать, что они об этом мечтали. Но это я увидела корабль! Я! – она стукнула кулаком по забору, кот зашипел от неожиданного землетрясения, вогнав когти в дерево. – Перестань, Сириус, не до тебя, – и кот замолчал, поняв ее слова.

– Он тебя слушается? – Макс даже не удивлялся.

– А как бы иначе я убежала от родителей? – лицо Роксаны осветилось улыбкой победительницы. – Это все мой маленький Сириус – не могла же я ехать без него.

Макс тоже улыбнулся. Он бы и сам так хитро поступил, если бы у него был такой умный кот.

– Короче, я хочу быть на этом корабле. Уговори капитана, пожалуйста, – ее голос дрогнул, гордость не позволяла просить, но ей так хотелось попасть на корабль с черными парусами, что она даже попробовала бы поступиться гордостью.

Почувствовав, что происходит что-то не то, Ольга и Виктор приблизились к ним. Макс не знал, как ему поступить. Пообещать взять ее в команду без согласия капитана он не мог, а посоветоваться было не с кем. Но если в этой бестии нет моря, то в нем самом моря тогда и подавно не было.

– Спросили, что хотели? – Виктор строго глянул на Роксану: взгляд отца обещал если не угощение ремнем, то отказ в сладостях по меньшей мере на год.

– Спросил. У вас замечательная дочь, – почтительно начал Макс. – Но я узнал, что мы теперь в одной команде.

– Правда? – немного наигранно удивился Виктор: два года дочери жить без сладостей.

А Макс продолжал:

– Я знаю, на корабле не место для детей, особенно для таких маленьких девочек...

– Сам маленький! – сквозь зубы процедила Роксана.

– Но рассудительно ли будет оставлять вашу дочь одну в такое опасное время? Не будет ли вам спокойнее, если она будет у вас на виду?

Родители Роксаны задумались, наверное, они вспоминали прошлые выходки дочери и пробовали предугадать, что она еще может натворить. Фантазия превосходила воспоминания.

– Вы правы, юноша, – наконец сказал Виктор, Ольга кивнула. – Роксана.

– Да, – обрадовалась девочка, уже успевшая поковырять краску на заборе, пока они молча советовались.

– Роксана, обещай слушаться нас во всем.

– Я обещаю во всем слушаться капитана, – выкрутилась новоиспеченная пиратка. – Котом своим клянусь!

И с радостным криком девочка понеслась по улице наперегонки с Сириусом. Кот бежал так быстро и легко, будто не касался земли, но Роксана поднимала пыль за них обоих.

Тропка привела пиратского капитана к старой пристани.

Городок не считался торговым, но благодаря близости большого порта, самого крупного на Элигерском побережье, и его новая пристань в большом заливе часто была достаточно оживленной. Правда, сейчас здесь, на старых заброшенных пирсах, не было никого.

Никого, кроме чернявого юноши, одетого в темную одежду ремесленника. Юноша стоял близко к воде, немного склонив голову, прислушиваясь.

Что-то в его неподвижной фигуре заставило Яроша замереть. Юноша говорил с Морем, как умеют только пираты. И то не все. Но вмешаться или подслушать такой разговор никто не в силах.

Парень подошел к нему сам.

– Приветствую капитана Яроша Сокола, – голос его был также глубок, как и море.

– Оно тебе мое имя сказало? – спросил пират, хотя и знал ответ.

– Море сказало, чтобы я ждал тебя здесь сегодня. Море никогда не врет, – в серо-зеленых глазах притаилась страшная тайна, но они сияли так ярко, что Ярош поневоле сравнил его с собой в том же возрасте. – Меня Дэниэлом зовут, – будто советуясь с морем, представился парень.

– Море не врет, – согласился пират. – Ты тоже увидел корабль с черными парусами?

– Нет. Но я знаю о нем все, что можно узнать. Я мечтал быть в твоей команде. Моя воля так же свободна, как и твоя. Свободнее только Море.

Неизвестно, как Дэниэл угадал, что Ярош говорил другому пирату, просясь в юности юнгой к знаменитому капитану, мечтая превзойти его славу. Но и без этих слов Сокол с радостью взял бы этого парня с собой.

Ближе к горизонту хлюпнуло. Это молодой дракон купался в море, поднимая волны, в которых к берегу спешили огоньки. Чистые розовые и голубые искры облепляли опоры старой пристани, словно прорастали странными изменчивыми растениями, излечивая постаревшую древесину.

Дэниэл присел, попробовав коснуться чуда, и искры истаяли дымом, а пугливый дракон покинул море, растаяв в небе. Нельзя трогать чудо.

Окрыленный знакомством с Дэниэлом, Ярош с надеждой заглядывал в глаза прохожих, но видел в них только серость. Уже поздним вечером Сокол пришел в таверну, все его поиски не увенчались успехом: в этом городке не осталось пиратов, похоже, что кузнец был последним, кто покинул этот берег. Другие же состарились, погибли или сбежали от мирной жизни. Но большинство тех, кого тайком ждал в таверне Ярош весь прошедший день, упокоились на городском кладбище, прожив весьма счастливую жизнь. Могила отказавшихся от своего прошлого ради покоя и созданных семей ничем не отличалась от мест упокоения добропорядочных горожан.

Как только капитан вошел во двор, его увидела Роксана, хотела выбежать навстречу, но почему-то замешкалась и осталась у окна.

Низенькая тень отделилась от стены, встав у пирата на пути.

На вид ребенок лет двенадцати, но в изменчивых глазах нет детства. Этому древнему существу много лет, слишком много, чтобы их считать. Но и зла в них нет, как в полупустом взгляде Хедина. В его глазах бушуют высокомерие и море. Много моря, много свободы, ибо у давнего есть крылья, хотя сейчас их и не видно.

– Ты тоже хочешь быть в команде на корабле с черными парусами, – Ярош не спрашивал, ведь глаза мальчишки вспыхнули жадной приключений так ярко, что другой отшатнулся бы, но не пиратский капитан.

– Да, пират, да. Я присоединюсь к вам позже. И можно моего товарища крылатого позвать? Можно? – сейчас давний казался обычным кудрявым мальчишкой, мечтающим о приключениях.

– Где товарищ?

Мальчик свистнул. Из темноты к ним опустился ангел, чьи крылья отливали чернотой. Глаза его тоже сияли, но не так ярко, как у младшего крылатого.

– Вы в команде, – согласился Ярош, хотя его немного проняло холодом от ветра, поднятого ангелом.

– Благодарю, капитан.

Ярош вошел в таверну, но Роксана видела, как мальчишка искоса посмотрел на черноперую фигуру, и иллюзия растаяла. Но, возможно, ей привиделось, ведь ночь была темная и облачная.

Ярош тоже увидел море в глазах Роксаны, обрадовался, что она дочь Виктора и Ольги, которых он встретил первыми. Да и сама девочка очаровала всех своим веселым нравом.

На этом хорошие новости закончились, и капитан ушел спать.

Под полом скреблись мыши, за стеной, в соседней комнате, ругались картежники. Едкий дым от их сигарет заполнил коридоры. После полуночи товарищи по игре подрались, разбив друг об друга пустые бутылки.

Но когда в его комнату постучали, Ярош не на шутку разозлился.

За дверью стоял высокий красивый мужчина, роскошно одетый, только золотых или серебряных украшений на нем не было, верно, в свое время подчеркивающих его состоятельность.

– Увезите меня из Элигера. Я заплачу любую цену.

– Шел бы ты отсюда, – зевнул Ярош. – Утром придешь.

Пират знал, что утром они уже будут в открытом море, поэтому не волновался, что франт найдет вместо него пустую комнату.

– Нет, вы не понимаете. Мне, правда, нужно уехать, – незнакомец просил даже не голосом, а как-то странно, словно привораживал.

Ярош окончательно проснулся.

– Ты кто?

– Принц Юран, – честно сознался мужчина. – Меня казнят, если я останусь.

Ярошу сразу вспомнилась площадь с осужденными. Нет, бросить человека здесь он не мог, даже если бы в его глазах не было моря.

– Королева у нас уже есть. Теперь и принц в придачу, – пробурчал он. – Юран, приходи в Восточную бухту на рассвете.

Ярош провалился в сон без сновидений, чувство ожидания новой встречи тоже пропало. Пока не рассвело, пирата никто не будил.

Глава 4

Корабль с черными парусами

Золотое солнце выплывало из-за горизонта, когда Ярош и его новая команда добрались до защищенной от ветров Восточной бухты, где их ждал корабль. Паруса на трехмачтовой красавице "Диаманте" были черными, а глаза деревянной скульптуры на носу небольшого фрегата мастера сделали хрустальными. Во взгляде берегини корабля преломлялся утренний свет, перья на крыльях скульптуры с нежным девичьим лицом то ли сирены, то ли ангела, украшали бронзовые и медные вставки, тускло-поблескивающие на солнце. Скрипели ванты, и капитан знал, что сегодня ветер точно станет попутным. Пираты стояли на палубе, глядя на пока еще незнакомых им людей, собирающихся на пляже. Низенький кудрявый мальчишка, которого Ярош встретил вчера вечером, уже был на корабле и стоял возле фальшборта рядом с пиратами. Судя по хмурому настроению, команда "Диаманты" узнала о том, что случилось в городке за время отсутствия капитана.

На берегу были еще не все, в ком Ярош почувствовал море. Но все, кто пришел, – улыбающиеся, даже счастливые, одетые просто, и в тоже время торжественно, словно на большой праздник. Молодая бабушка Катерина уложила пепельные косы в прическу, когда-то любимую женщинами-воительницами. Она ни на мгновение не отходила от Матери, чьи глаза менялись вместе с рассветным небом. Казалось, что давняя чувствует себя лучше. Катерина украдкой улыбалась своим мыслям: жаль, что пугливый внук за ней не увязался, что-то в нем тоже есть... пиратское.

Ярош оглянулся, ища Роксану. Вот это семейка: девочка снова ругалась с родителями – речь шла об одежде. Ольга просто сердилась, Виктор нахмурился, но Роксана что-то резко им ответила и, загребая песок, потопала к Итане и Зорин. Гадалка сегодня была непревзойденной, казалось, сама близость моря придает ей силы улыбаться и верить в свою красоту. А вот на одежде Зорин взгляд задерживался надолго: костюм необычного покроя, но очень удобный в походе, притягивал взор красно-зеленым шитьем.

Спасенная от казни Киш сидела возле воды, протягивая руку к волне, и волна убегала прежде, чем та могла ее коснуться, будто играя. Чародейка выздоровела, хотя была еще бледной и ни с кем не разговаривала. За ней наблюдала Тайра, тоже оставшаяся в одиночестве, холодом и недоверием веяло от дочери колдуна.

Мужчины стояли вместе, уже перезнакомившись. Пожилому Владимиру было неловко, он не мог вспомнить ни одной шутки, чтобы и самому похвастаться чувством юмора. А Макс, Дельфин и Берн не утихали, сыпля остротами, – они подружились. Только Юран держался отдельно от них, чувствуя себя чужим. При свете солнца одежда принца оказалась еще более поношенной, хотя изначально была очень дорогой. Темные волосы Юран собрал в тугой хвост. Принц смотрел на черный корабль, о чем-то размышляя.

Королева Герда сидела на камне, мочила ножки в морской пене, ее пантера лежала на сухом песке, куда не доставали волны.

Марен и Харун молча застыли на входе в бухту, у тропки, проскальзывающей между скалами. Сейчас они не казались древними нечеловеческими существами, только взглядами с ними никто встретиться не стремился. Даже Юран опустил глаза, проходя мимо этой безмолвной стражи. Марен откинула капюшон, став похожей на обычную женщину с короткой стрижкой. Но что-то оставалось в чертах давней неземное, указывающее на ее власть над людскими жизнями.

Дэниэл склонился сначала перед Марен, а потом перед Харуном, приветствуя. Оба давние ответили ему.

– Теперь все, – кивнул им Ярош, и стражи оставили свои посты.

Будущие пираты начали садиться в шлюпки.

Две тени скользили по песку. Одна неслышно прильнула к скале, а другая...

– Подождите меня! – завязая в песке, на пляж выбежал парень.

Он бежал, задыхаясь, но не выпускал из рук толстенную книгу. Все оглянулись на него, но никто не потянулся к оружию. Парень остановился.

– Я – Ян Сорель. Возьмите меня с собой. Я колдун. Я колдовать умею.

Но прежде чем кто-либо успел что-то сказать, тень, прятаясь в скалах, ступила шаг к ним и сразу же исчезла, появившись в обличии Хедина уже возле новоприбывшего.

– Колдовать, да? – по змеиному прошипел он на ухо Сорелю.

Ян от неожиданности отскочил в сторону. Книга упала на песок, раскрывшись посередине. Звякнул меч Юрана. Берн взвел короткое ружье. Давние молчали.

– Действительно. Как звезда и говорила. Заклятье, властное сделать ваше путешествие кошмаром, – Хедин хищно склонился над страницами, словно и не замечал направленного на него оружия. – Выбирай, капитан, возьмешь меня с собой, или...

Серые глаза встретились взглядом с пиратом, в их глубине плыло заклинье. Хедин был спокоен, как море сегодня на рассвете.

– Ярош, – начал Берн, но капитан жестом приказал ему опустить ружье.

Хедин злорадно улыбнулся, поднимаясь. Его глаза снова стали обычными, просто серыми.

– Он правду говорит, капитан. Кто же знал, что этот парень найдет нас, а книга заклинаний откроется именно на той странице? Кроме звезды, конечно, – Зорин было неприятно говорить это, но ничего изменить она не могла: такое заклинье – не яд, от которого знаешь противоядие.

– Вы. Без книги, – поставил условие Ярош. – Без заклятий. Без чар.

– Без книги, – подтвердил Хедин.

Ярош нехотя повернулся к друзьям.

– Поднимайтесь на борт, – грустным голосом пригласил капитан. – Все.

Книга осталась на берегу. Ветер листал страницы, засыпая заклинья песком.

Ужас Ночи и кот Сириус носились по верхней палубе и так увлеклись, что Сириус едва не свалился в шпигат. Команда продолжала знакомиться, только с Хедином никто разговаривать не хотел. Вряд ли ему простят то, как он попал на корабль.

Ветер наполнял паруса, которыми училась управлять неразлучная троица – Макс, Дельфин и Берн. Роксана уселась на носу корабля, успев переодеться и повязать по-пиратски красный платок. Родители махнули рукой на ее поведение: главное, чтобы не залезла, куда не следует, и пошли на камбуз. Но девочка уже поглядывала на самую высокую грот-мачту, где еще не было флага.

Но если Роксана смотрела вперед, то мысли Юрана принадлежали прошлому, он в одиночестве наблюдал, как исчезает берег. Ярош подошел, стал рядом.

– Откуда ты, принц? Где твое королевство?

– Далеко, капитан. Я шел следом за драконом. Там, где драконы крылья касаются неба, воздух меняется. Я могу это видеть. Дракон привел меня в этот городок, где мне было хорошо и уютно. Волшебный, сказочный городок. Но я не мог остаться.

– Не мог? Почему? – Ярош чувствовал грусть этого человека и совсем не удивлялся его словам: раньше видеть то, о чем говорит принц, могли почти все.

– Потому что я проклят. Никто не даст мне приют. Мой старший брат заклинял меня за непослушание. Я изгнанник, Ярош, – Юран обернулся к пирату. – Но ты снял чары, назвав меня по Имени, согласившись взять на корабль. К тебе привел меня молодой дракон.

А вот в это Ярошу поверить было трудно.

– Я не чародей, – покачал головой пират. – Я колдовать не могу. Как бы я снял с тебя проклятье?

– А для этого чародейство и не нужно, – усмехнулся Юран, и в улыбке отразилась его усталость. – Разве в жестокости или в презрении, или в милосердии нет чуда чародейства?

И с этим Ярош не мог не согласиться.

Ярош стоял на капитанском мостике, когда к нему подошел странный мальчишка с изменчивыми глазами.

– Говорят, ты тут всех о прошлом расспрашиваешь, – засмеялся давний. – Правда, капитан?

– Не всех, – уклонился от ответа Ярош. – Но у тебя мне есть, о чем спросить. Где твой черноперый товарищ, например? Либо кто ты сам?

– Мой товарищ к нам позже присоединится, как я уже и говорил, – казалось, его голос не меняется, не озаряется чувствами. – А я... Что ты знаешь о мире, Ярош? О том, каким он был раньше?

И, не дожидаясь слова пирата, ответил сам:

– Когда-то все было живым. И мы, такие, как я, рождались из радости мира. Из морской пены и блеска снега на горных вершинах, из дождя и бури, из ласковых весенних лучей. Духами называли нас юные люди, душой мира и его самым чистым, самым первым творением, называли давним народом... А потом люди объединились, чтобы подчинить мир, переделать его под себя.

– Я знаю эту легенду, – Ярош не перебил его речь, будто кудрявый мальчишка ждал, что он подхватит древнюю историю. – И радость обратилась в разрушение, а любовь – в ненависть. Все силы мира восстали против людей, но люди держались вместе, а власть мира была не безграничной, ибо люди черпали в друзьях и любимых силу для достижения цели, поддерживали друг друга.

И люди выиграли, а целостность мира нарушилась, и смолкло множество голосов. А самые искусные в заклинаниях научились договариваться или ловить тех, в ком воплотилась животворная сила мира, и заставляли их служить себе. Давние тоже воевали между собой: год за годом, столетие за столетием проходили в кровопролитных битвах. И постепенно от древнего народа почти никого не осталось: кто сгинул, кто стал частью земного мира, а кто-то затерялся среди людей.

– Да, Ярош, ты очень хорошо знаешь эту легенду. Странно, ты же пират, а не чародей.

– Так ты все-таки из давнего, забытого народа, – Ярош с уважением смотрел на мальчишку, что был старше и тех деревьев, из которых построили его корабль. – И что давние делают сейчас, когда мир принадлежит людям?

– Путешествуем, Сокол. Собираем глазами красоту мира, еще оставшуюся неприкосновенной. Не чтобы выпить, а чтобы сберечь, – он криво усмехнулся, но странно видеть такую усмешку у ребенка. – А ты не веришь, что я из давнего народа? Тогда загляни мне в глаза.

– В другой раз, – Ярош, сощурившись, посмотрел на солнце, и немного больше взял на правый галс.

– Куда мы держим курс? К главному Элигерскому порту?

– Да, у меня там незаконченные дела, – Ярош не желал рассказывать больше, но давний и не настаивал. – Так как мне тебя называть?

– Среди давнего народа меня называют Странником, ведь в своих странствиях я нашел и сберег красоты больше, чем другие. Я ответил, значит, могу спросить. Любил ли ты?

Неравноценный вопрос вместо расспросов о цели капитана в торговом порту...

– Любил... Этого достаточно?

– Достаточно, – отступился Странник, но Ярош почувствовал, что это существо из любого душу вытащит, если по-настоящему захочет о чем-то узнать.

Но Странник больше не собирался ни о чем расспрашивать. Солнце слепило его изменчивые глаза больше других, и давний посмотрел на горизонт из-под руки.

– Знаешь, капитан, в тот день, когда ты спал, твоя команда искала немногих, в чьих глазах еще осталось море. Я видел, как они стараются, но никого не находят. К ним приходили люди, считающие себя пророками, болтали о землях, не существующих ни в твоём, ни в моём мире. Люди с этого пока свободного берега пугаются вечернего тумана, напоминающего им марево из сновидений, и хотят бунтовать, обещая пойти за кем угодно, кто поставит им выпивку, но разбегутся, как только у позвавшего их закончатся деньги. А когда ты был на пристани, один умник попытался таскать за хвост кота Роксаны. Сириус наградил его такими отметинами, какие не всякая пиратская сабля оставит. Удивляюсь, что не убил. Ужасный в гневе зверь.

Странник умел рассказать так, что всякая надежда гасла.

– Хорошо, что я все это проспал...

– Капитан! – к мостику подбежала Роксана. – Мы нашли зайца. Прятался под лодкой. Что нам делать? Сбросить его за борт?

– Нет, дайте хоть посмотреть на этого отчаянного, – Ярош спустился, оставив подле штурвала Странника.

Но давний не коснулся штурвала, словно знал, что до возвращения капитана корабль и море будут вести себя спокойно.

Заяц оказался молодым мужчиной, даже зажиточным, если судить по одежде. В глазах светился ум, хотя игры в них было больше, чем моря.

– Как ты сюда попал? – спросил пират.

Мужчина затравленно оглядывался на команду, где не всех он бы назвал людьми. Круг, в котором он оказался, был крепким, хотя пока не состоял из друзей.

– Я поднялся по якорному канату и спрятался под шлюпкой. Вы все смотрели на берег. Не видели...

– Ты? – удивилась Роксана, ей не верилось, что умник, похожий больше на библиотечного червяка, чем на пирата, мог доплыть до корабля и подняться по якорному канату.

– Я очень хотел к вам попасть. Я видел, что вы почти никого не берете. А я так хочу увидеть мир, мечтаю побывать в других краях, узнать о чужих обычаях... И если с кем-то из вас что-то случится... я бы мог...

Он запнулся и умолк.

– Не врет, но я бы ему не верил.

Люди оглянулись на Хедина, сидящего на канатной бухте. Парень вызывающе наслаждался вниманием.

– Но я молчу, меня же не спрашивали.

А весь его вид вопил: спросите, попросите, я все расскажу об этом человеке. Или заставлю его самого рассказать.

Ярош принципиально отвернулся от Хедина.

– Имя.

– Константин.

– Откуда ты?

– Из местной школы.

– Это так? – Ярош посмотрел на Марен.

– Он говорит правду, – подтвердила давняя предположение Хедина, но ее ответ прозвучал и как предупреждение: только попробуй соврать, долго будешь жалеть.

Константин побледнел. Никто не заступится за него. Хедин хмыкнул: как же быстро они начали чувствовать себя пиратами.

– Зачем ты здесь?

– Я спор проиграл ученикам. Должен же я был доказать, что достоин их учить, а не только в книжках рыться. А для этого нужно самому увидеть далекие земли...

Ярош задумался. По пиратскому обычаю сбросить его в воду? Но они отошли далеко от берега. А лодку ему никто не даст. Нет, ну, море же было в его глазах, хоть и припорошенное книжной пылью. Ярош и сам помнил, как книжная пыль въедается в глаза и в мысли.

– Прекрасный пример для учеников, как правильно себя вести. Доказал, так пусть убивается, – Хедин откровенно нарывался на неприятности.

Но Ярошу очень не хотелось начинать путешествие с крови. Чьей бы то ни было.

– Не будете выполнять приказы, оба окажетесь за бортом, – пробурчал капитан.

– Слушаюсь, капитан! – обрадовался учитель.

И Роксана, подхватив его радостный крик, помчалась к родителям, вместе с Катериной, Тайрой и Итаной помогавшим на камбузе.

Пираты разошлись по кораблю, а Хедин даже не поднялся, всех презирая.

– Нравится быть плохим? – бросил ему Макс, проходя мимо колдуна.

– Да, – оскалился Хедин. – Плохим лучше всех. А ты думал, пираты – ангелы?

Кажется, он один из немногих понимал, что здесь только что не случилось, и к какому решению мог прийти капитан.

Вечерний полумрак ложился на воду, тени накладывались на тени, сумерки становились ночью. Казалось, будто время остановилось. На рей село существо с белыми крылышками, которое все уже называли Ангелочком.

– Всем привет! – радостно поздоровалось оно с командой.

– Привет!

Рядом с ним опустилась маленькая фея, пыль с ее крыльев осыпалась на мачту, и дерево засияло, зазолотилось, словно вечерняя сказка.

– Фея, – хмыкнул Хедин, в одиночестве прогуливающийся по палубе, ведь в компанию его не брали. – Фей на корабле не хватало. Убирайся отсюда, фея.

– Фея? Где? – Роксана стояла под мачтой, ловя в ладони волшебную пыль.

И как она всюду бывает успеваешь?..

А фея обиделась, серьезно обиделась. Пыль краснела.

– Не подожги наш корабль, – Ярош тоже умел появляться на своем корабле будто из ниоткуда.

Ярош строго глянул на Хедина. Пирату было тяжело представить, что этот малолетний наглец – тот самый колдун, хитростью и угрозами заставивший их взять его на корабль. Учить манерам мальчишку никто не собирался, даже благородные родители Роксаны не возьмут его под свою опеку.

– Я не специально, – фея дунула на крохотную ладонь, красная пыль превратилась в ярко-синюю и разлетелась с ветром, не удерживаясь на дереве.

Ярош огляделся. Кроме двоих детей, рядом никого не было.

– Роксана, тебе не кажется, что тебя родители ждут?

– Они разрешили, – попробовала возразить девочка, но сразу поняла, что не в родителях дело, а это приказ, и аж засияла от радости. – Слушаюсь, капитан!

Но насколько теплее она это сказала, искренне и совсем не так, как Константин.

Хедин и Ярош остались вдвоем, без свидетелей. Даже Ангелочек и фея улетели и теперь кружили, рассыпая зеленоватую пыль вокруг деревянной скульптуры на носу корабля.

Они не разговаривали, просто смотрели друг другу в глаза. Они понимали друг друга, не так хорошо, как могли понять любого Марен или Харун, но намного лучше, чем большинство тех, кто впервые взошел на пиратский корабль. Угрозы и обещания спорили с пониманием и долгом в их взглядах. Наконец Ярош спросил:

– Кто на корабле капитан?

– Ярош Сокол, – нехотя ответил молодой колдун, в чьих пальцах несколько ночей назад истекала кровью умирающая звезда.

Он признал власть капитана, но что-то задумал. И о том не знал даже давний народ.

Глава 5
Заговорщики

Степь. Раздольная степь трав, шелестящих под ногами, роняющих семена на иссушенную землю, их стебли с шелестом ломаются под ногами. Сухой степной ветер сильно отличался от соленого морского.

Ярош шел по степи, понимая, что все это ему снится. Но этот сон не от чар, где соединяются огонь и мрак, – его создало иное воображение. Далекие расстояния сокращались до минут, и вот пират уже поднимался на холм, где из черной земли пробивалась новая трава. Зеленый цвет радовал глаз. А на верхушке холма стоял идол.

Пират обошел резной камень. В одной руке идола меч, в другой посох, на голове шапка, опущенная до бровей, а на спине дерево рисованное. Ярош раньше видел такое дерево.

– Я думаю, колдун приехал ко мне, – на холме стояла Зорин, вышивка на ее одежде искрилась: зеленые нити струились родниками, а красные придавали сиянию мерцающий фон. – Он тоже искал. Наследников погибших народов. Мой народ продал Империи тайну яда, которым теперь казнят преступников, и за это его одарили расправой, а не золотом. Нас осталось всего четверо во всем мире. Что знает один, то знают и другие, что знали предки, то ведомо и потомкам. Мы чувствуем друг друга на любом расстоянии.

– Так колдун приехал к тебе? – Ярош не договорил: закончить дело, но Зорин словно услышала его мысль.

– Нет, – засмеялась женщина. – Он хотел договориться со мной. Как с потомком исчезнувшего народа. Но мы не успели встретиться.

– Рассказывать долго. Он меня нанял, но я мало что знаю о его делах, – из предвечерней мглы вышла Киш.

– Лучше показать, – Марен, стоящая с третьей стороны холма, повела рукой. – Мы восстановили происходившее той ночью. Из воспоминаний.

Степь исчезала, ее по лоскуту уносил ветер. Пред взором появился приморский городок, дом на горе, бедная комната.

В дверь постучали, и сестра Киш пошла открывать. Сама Киш точила меч. На ходу расстегивая плащ и кланяясь, в комнату вошел Хедин. Русоволосый немолодой колдун при его появлении встал из-за стола, оставив поздний ужин, и тоже кивнул парню, здороваясь.

– Я был уверен, что ты услышишь зов. Ты был одним из лучших моих учеников.

– Я приехал, – холодный голос Хедина поражал непривычной властью. – Но почему здесь? В этом городе?

– А ты разве не чувствуешь, что их власть в Элигере слабее всего? Здесь властвуют иные силы. Куда же еще звать беглецов?

– Я ехал слишком быстро, не почувствовал. Потом осмотрюсь, – не спрашивая разрешения, Хедин налил себе из кувшина воды. Напившись, он внимательно посмотрел на колдуна. – А звезда?

– Все готово. Все заклятья раскрылись, словно почки. Звезда ждет того, кто снимет ее.

– Я ее сниму, – высокомерно заверил парень. – Я знаю, как это сделать. И какой вопрос задать, тоже знаю.

– Не сомневаюсь. Но звезду сниму я. Тебе известно, что будет, когда кровь звезды коснется твоей кожи? – Хедин молчал. – Звезды – это судьбы людские. Погасив одну, погасишь и судьбу человека. Чем ярче судьба, тем ярче звезда, тем на более сложный вопрос может ответить.

– Да, да, – немного насмешливо продолжил Хедин. – А есть много маленьких звездочек, которых и глазом не увидишь, на них желания загадывают, когда люди, чьим жизням они светили, умирают. И это правильно, ведь если бы все судьбы были яркие, небо стало бы похоже на раскаленное солнце. Я все это слышал десятки раз.

– Слышал, но плохо слушал, Хедин, – серо-зеленые глаза колдуна полыхнули недовольством, но лишь на мгновение. – Когда ты отберешь жизнь звезды, то отдашь и часть своей. Никогда не задумывался, почему звезды обычно снимают не для себя?

– Я не знал, – кажется, Хедин немного испугался. – Прости меня, учитель, – он снова поклонился, но не низко.

– Пойдем. Мне будет нужна твоя помощь, чтобы завершить чародейство. Помощь другого колдуна.

Хедин довольно улыбался, ведь его признавал учитель, в его помощи нуждался.

Они вышли во двор, где их уже ждал молодой мужчина, тоже бывший в эскорте учителя Хедина. Вышли и сестры...

Рисунок сдувало ветром, теперь они видели глазами других людей.

...Двое ребят прятались в кустах.

– Глянь, они вышли. Странные, – Ян хотел подняться, но Дэниэл стукнул его по спине, чтоб тот лежал. – Куда они идут?

– Давай залезем сейчас. Не все же золото они на себе носят. Только тихо.

В доме никого не было. В потемках ребята вошли внутрь.

– Едой пахнет... Дэниэл, ищи быстрее, – подгонял Ян. – Ой, что это?

Ян зацепил сумку, из которой выпала книга, раскрывшись, словно только и ждала, что кто-то коснется ее.

– Гляди. Это заклинания, – Ян зачарованно засмотрелся на сияющие строки.

– Закрой! Дурак! – Дэниэл толкнул книгу, чтобы она закрылась, и в комнате снова стало темно. – Они колдуны, убираемся отсюда! Они нас и из-под земли достанут!

Напуганные ребята выскочили из дома. Дэниэл побежал вниз, но Ян не спешил. Друг остановился.

– Ты чего, Ян?!

– Чары. Они колдовать будут. Я посмотреть хочу, – Ян быстренько направился в ту сторону, куда ушли чужеземцы.

– Ян... – растерялся Дэниэл. – Вернись. Что я твоему отчиму скажу?

Но Ян его не слушал.

Все чары Ян и Дэниэл пропустили, но, стоя за деревом с могучим стволом, ребята видели, как к колдуну в руки плывет яркая звезда. Он взял ее вместе с Хедином. Звездное мерцающее сияние освещало их полумертвые от усталости лица, звезда молила о милосердии, о свободе, но сегодня ее плач никто не слушал.

– Глянь! – шепотом испугался Ян, указывая на тени, окружившие двор.

– На землю, – Дэниэл вовремя потянул товарища вниз.

Вспыхнули огни выстрелов. Но только две пули попали: одна в плечо сестры Киш, держащей обнаженный меч, другая – в колдуна. Тот упал, и звезда осталась в руках Хедина.

– Убейте мальчишку! – приказал безжалостный голос из темноты, и через мгновение прозвучал второй залп.

Но Хедин умирать не собирался. Он махнул рукой, за которой потянулся шлейф искр, отбивая пули, и бросился прочь со двора. Сверкнуло. Солдат, ставший перед ним, упал мертвый от одного прикосновения.

– За ним!

Воспользовавшись замешательством врагов, колдун встал. Часть солдат кинулась к нему, но сестры заступили им путь. Выбить незаряженное ружье легко.

Колдун добрался до дерева, за которым прятались Ян и Дэниэл. Ребята все еще сидели на корточках, но подняться не могли: страх происходящего в их тихом городке сковал ноги. Ступив за дерево, обессиленный колдун упал на одно колено. И увидел ребят.

– Дети, что вы здесь делаете?

От боли закричала женщина. Зазвенел о камни меч.
– Он должен быть там, – руководил уже знакомый голос.
Это говорили о колдуне.
– Руку! – приказал он, и у Дэниэла не было воли послушаться.
Колдун схватился за парня, и вместе они поднялись.
– Сохрани мою тайну, – Дэниэл вскрикнул, будто его огнем обожгло.
– Туда! – это их услышали солдаты.
Колдун с облегчением отпустил парня.
– Бегите, дети. Ночь вас утешет и спрячет, а я вас благословляю...
Или это страх прошел, или слова колдуна имели такую силу, но друзья побежали сломя голову...
Повеял ветер, сдувая чужой взгляд, ночь блекла, как воля борющегося с головокружением. Только голоса остались от этого воспоминания.
– Предатель. Тебя долго искали, – голос приказывающего солдатам.
– Я не предатель. Я просто хотел видеть мир немного иным. Я говорил об этом, но во дворце Императора меня не слушали, – голос колдуна.
– Ты учил и меня, потому я не повезу тебя никуда, не стану пытаться. Я казню тебя и твоих защитников в этом городке. У тебя нет приемника и сторонников, о чем же тебя спрашивать?...
Воспоминание таяло, верно, Киш больше ничего не слышала...

...По улице шел Дэниэл, он очень плохо себя чувствовал, шатался, чуть ли не падая в обморок. Ян поддерживал его, помогая идти.

– Что с тобой, друг?

– Не знаю, – даже язык едва шевелился, перед глазами плыли темные пятна, наверное, тайна колдуна была слишком тяжелой ношей для человека.

Луну, уже спрятавшуюся для берега, с горы было видно. Призрачное светило очерчивало корабль с черными парусами...

В ветре таяли воспоминания. Киш, Зорин, Марен и Ярош сидели возле идола на траве, успевшей разлиться зеленым морем по всей степи.

– Вы говорили с Дэниэлом? – спросил Ярош.

– Нет, мы говорили с Яном, – ответила Зорин. – Дэниэл на товарища волком смотрит за то, что утром Ян вернулся в тот дом и забрал книгу. Двор был залит кровью, это его испугало, но парень направился к площади, где готовили казнь. А Дэниэла лихорадило еще сутки, и после этого он изменился. Таким ты его и увидел.

– И что же за тайну передал колдун Дэниэлу? Свои чары?

Ярошу вспомнилось, как Дэниэл угадал, что Сокол сам говорил другому пиратскому капитану.

– Не думаю, чары не так просто передать, – ответила Марен. – Какие-то свои знания. Но мы считаем, что это были воспоминания о том вечере. Колдун же не знал, что его ученику удастся спастись. Поэтому Хедин любой ценой старался попасть на "Диаманту". В городе его ждала бы казнь.

Но оставался еще один важный вопрос, и Ярош на него так решил.

– Марен, кто ранил твою названную сестру, которую люди называют Матерью?

– А ты сам еще не понял, Сокол? – в темных глазах притаилась усмешка, было видно, что давняя ждала этого вопроса. – Ее ранил тот, кто и тебе лютый враг. Это его чары разбудили ночь, а еще зов, подкрепленный чародейством и печалью снятой с неба звезды. Имперский колдун сзывал потомков древних народов, и все давние слышали его голос. Твой враг не мог не ответить на такую дерзость. Колдун рискнул своей жизнью и проиграл, ведь ему никто не поверил и никто не пришел. А проигравших казнят, – она встала. – Спи, капитан, отдыхай, до рассвета совсем немного осталось. Хотя вряд ли после таких разговоров сны сладкие и безмятежные...

Степь исчезала, превращаясь в сон без сновидений.

Ярош Сокол покинул корабль, когда начало светать, но предутренняя мгла пока могла спрятать одинокую шлюпку, причалившую к берегу.

Если завтра ночью он не вернется, команда вспомнит пиратские обычаи и продолжит путь без него. Но у Яроша были дела в этом порту: он должен был найти ту, в чьих глазах волнуется море не меньше, чем в его собственных. Пират знал наверняка: если она откажется следовать за ним, карта не осветится призрачным зачарованным светом.

Город еще спал, только на песке девочка забавлялась соломенными куклами. Ребенок сбежал от родных, чтобы поиграть в одиночестве и, вероятно, так убегать для нее было привычным. Ярош невольно залюбовался, с какой нежностью девочка относится к своим простым игрушкам.

Голубоглазая светловолосая девочка тоже посмотрела на него. Сама похожа на куклу, дорогую, королевскую... Глубокий взгляд не скрывал печали. Он просил, но не унижался, он мечтал, но не безумно, – девочка решала, что сделать, чтобы исполнилось желание.

– Твои куклы такие... страшные, – Ярош сам не знал, зачем сказал это, но ему показалось, что на игрушках запеклась кровь, чужая, словно воспоминания. – Как тебя зовут?

– Эвелина, – ответила она и, почему-то испугавшись, оглянулась, будто боялась чьего-то присутствия. – Полина. Я – Полина.

– Чего ты боишься, Полина? – девочка была странной, но тьма, овевшая ее крылом, очаровывала.

– А чего боишься ты, капитан? – вернула вопрос она, но словно спрашивала не Полина, а та другая, Эвелина, властная и темная.

– Я не твой капитан... пока что. Пока ты не бросишь своих кукол, – не в ней, а в этих игрушках притаился мрак.

– Они не мои. Они моей старшей сестры. Эвелина мне их подарила...

Полина смотрела ему в глаза, решая, чего ей больше хочется, с чем она способна попрощаться.

– Я брошу...

Куклы подняли бунт. Соломенная лисица вцепилась лапами ей в ногу, не отпуская, а коровка, собака, кошка и девчушка маленькими шажками быстро приближались к пирату. Солома отливала металлом, как иголки. Отравленные золотые иголки животворного солнца.

– Не трогайте его! – крикнула Полина, только куклы не слушались. – Нет!

Но Ярош уже видел такие игрушки и знал, как их одолеть. Ветер от сабли сбил в полете золотые иглы. Ключья соломы упали на песок, а обрывки платица соломенной девчушки отлетели под ноги Полины. Перерубленные лезвием, они расплескали свою жизнь, и колдовство ушло в землю.

– Я вернусь сюда вечером. Проживи день без своих кукол, Полина.

Глубокие глаза девочки оправдывали его поступок, но слезы по уничтоженной живой памяти были солонее моря.

Ярош сверился с компасом, прежде чем выбрать, в какую часть города идти. Но стрелка долго колебалась, не сразу указав путь.

Улица привела его в один из самых бедных кварталов. Иногда в гнилых халупах селится счастье, обходя десятой дорогой роскошные особняки. Но не здесь. В этом торговом порту улицы патрулировали солдаты из города со звериной душой, и потому на хмурых узких улочках царствовали грязь и разбой. И вместо сказок здесь рассказывали страшные истории о гибели, унижениях и предательстве. Люди соревновались в искусстве сказителей, словно певцы, словно древние сказочники, упиваясь жестокостью своих выдумок и воспоминаний.

Разве мог здесь остаться кто-то, чье сердце еще не зачерствело от ужасов и равнодушия? На кого указал компас?..

– Вернись, дочь моя, вернись, – тихо причитала нищенка, забившаяся в просвет между домами. – Дочь моя, ты самая смелая из всех дочерей Моря, ты самая любимая из всех дочерей Моря. Дочь моя...

– Что с тобой случилось? Каково твое горе, что ты выплакать его не можешь?

Ярош склонился над ней, убрал грязные волосы со лба, прорезанного глубокими морщинами, и увидел ее глаза, странные, изменчивые: женщина, кутающаяся в лохмотья, не всегда просила милостыню, она была из давнего народа, да только забыла себя.

– Твоя дочь любила море. Тогда она мне сестра.

– Ты знаешь, где моя дочь? Когда она вернется? – женщина слегка поднялась, надежда выплеснулась из ее взгляда, раскрашивая серый мир бедного квартала в бледные, но все же цвета.

– Я не знаю. Твое сердце знает. И Море... Оно ответит, если ты у него спросишь.

– Я боюсь Моря, – испуганно призналась она, отодвигаясь от пирата, словно он сам был воплощением Моря.

– Не нужно бояться, – рядом с ними стоял мужчина с темно-каштановыми волосами, блестели золотом четыре звезды на кожаной сумке почтальона, и на синей одежде в пуговицах тоже были выдавлены звездочки.

– Я видел тебя во сне, – Ярош встал между ним и женщиной.

– Меня друзья Айланом называют. Да, ты меня видел, когда тебя звали на площадь в столице, где...

– Достаточно. Я верю, что это ты, – оборвал Айлана пират. – Так что с ней?

В действительности Айлан был немного старше, чем в сновидении, где-то одного возраста с учителем Константином. Мужчина присел подле женщины.

– Звезды возвращаются на утраченные пути, – тихо молвил Айлан, словно заклятье. – Вернется твой путь и к тебе, давней, как Море. Если ты вспомнишь, кем была, когда твоя дочь еще не видела чужие корабли.

...Дым и огонь, и люди в серой форме, бьющие без разбора всех, кто еще может двигаться. Люди без души. И стрела, попадающая в грудь девушки... Другую, бездыханную, тянут в лодку...

Словно сама судьба сошла к ним, предлагая помощь. Судьба часто говорит с Морем, и время стало для них общим, как и цвет глаз.

Женщина испуганно смотрела на почтальона, но она вспоминала, тяжело вспоминала задушенную боль.

– Дай ей оружие, лишь тогда она станет такой, какой была, – предложил Айлан, поднимаясь, и в знак памяти о благодарности за помощь в ужасном сновидении Ярош подчинился.

Как только пальцы женщины обхватили рукоять, ее глаза вспыхнули, а пыль слетела с одежды, уже не рваной и совсем не серой. Она стала собой, но не человеком. Обличье непокоренной воительницы или давней богини приняла она, почти бессмертного существа, которому хочется взлететь в небо, чтобы разыскать обидчиков, а все остальное безразлично.

– Теперь Море ее примет, – успел сказать Ярош и отскочить: спасла реакция.

– Мертвой примет! – рассмеялся седой колдун с безумными глазами, заноса для нового удара крючковатую палку с головой чудовища.

За ним стояла бездушная толпа, чье единственное общее желание – убийство, а единственное чувство – ненависть ко всему живому и свободному. Ярош давно не видел одновременно столько людей с пустыми глазами.

Седой колдун, чье лицо казалось очень знакомым, усмехнулся.

– И вы не уйдете отсюда. Министр Феофан заплатит золотом за каждого пойманного пирата. И вдвойне за каждого мертвого!

Ярош уклонился от удара крючковатой палки и поймал на лету саблю, брошенную ему давней воительницей. Метал против мертвого дерева. Дерево отбивало удары лучше лезвия: в дерево верили больше.

Но только пират мог драться с колдуном на равных, а Ярош был настоящим пиратским капитаном. Сокол изловчился и перерубил палку, едва не вывернув запястье. Седой колдун попятился, в толпе вспыхнули глаза. Недавно уже виденное лицо – один из имперцев, которых они отпустили, когда помогли Герде...

– Бегите, сюда идут солдаты! – крикнул мужчина.

Побежденный седой колдун шмыгнул между людьми, обломки его палки уползли в тень домов, превратившись в змей. Солнце зашло за тучу, и мир еще больше посерел.

– Поздно, – на крышу хлипкого строения опустилось белокрылое существо с человеческим лицом. – Министр Феофан желает говорить с вами. Он предложит вам выбор. Выберете правильный путь – будете жить.

Ярош нацелил пистолет на белокрылого врага.

– В этом облиии ты настоящий, советник Императора? Или Химера? Любишь, чтобы тебя так называли? Спускайся, я убью тебя, – в голосе Яроша клокотала ненависть. – Ваши обещания лживы. Только кровь говорит сейчас правду. Спускайся!

– Поздно, – довольно повторила Химера, глядя сквозь толпу на улицу.

Люди расступились, пропуская группу солдат в серой форме во главе с тем, кто имел право носить многолучевую рубиновую звезду.

– Пиратам запрещено находиться в любом из городов Империи, – начал Феофан, но пиратский капитан не дал ему договорить.

– Империи принадлежит лишь один город! Не этот...

– Империи принадлежит все города и земли, где ходят ее деньги, – усмехнулся министр. – Арестовать пиратов.

– Убей его, Феофан, – тихо попросил советник Императора: его глазами на пиратского капитана смотрела сама Смерть. – Зачем ждать? Убей его здесь.

– Только кровь говорит сейчас правду, – передразнил Яроша министр, не приняв во внимание слова белокрылого советника. – Пусть его судит Суд Империи. Чтобы было неповадно пиратам будить от покоя мирные города нашей страны.

Сопротивляться бессмысленно. Их трое против десятков. И если бы он был один... Ярош бросил саблю и пистолет на брусчатку.

– Здесь только один пират. Капитан Ярош Сокол, – гордо и свободно ответил он, хотя на запястьях сомкнулись кандалы.

– Отберите у пирата компас и карту, – напомнила Химера.

Солдаты не медлили с выполнением приказа, компас и карта достались Феофану.

Но пока все смотрели на пиратского капитана, давняя воительница закрыла мерцающим крылом Айлана, и они оба исчезли.

Ярош Сокол не вернется на свой корабль до рассвета...

Глава 6

Воля министра и советника

Феофан не спустился в подземелье, у него были дела поважнее, чем издеваться над пленным пиратским капитаном. Кабинет заперт, но порыв ветра толкнул министра, когда двери распахнулись. Ветер качал тонкие занавески и перебирал белые перья Химеры.

– Не люблю, когда ты приходишь без приглашения, – пробурчал Феофан. – Я выполнил приказ Императора. Странно, но оказалось, что в Элигере действительно живет слишком много тех, над кем у нас нет власти. Будто что-то влекло их к этому берегу на протяжении многих лет... Они бы поддержали бунт, если бы мы не вмешались. Но теперь те, кто сопротивлялся, – мертвы, других казнят в ближайшие дни, а некоторых я заберу с собой в столицу, где их будут публично судить.

Химера, внимательно слушавшая министра, слезла со стола, уронив перо.

– Ты выполнил приказ не полностью. Отдай мне компас и карту.

Феофан, сощурившись, пристально посмотрел на гостя.

– Карта? Это тряпка без рисунка. А компас сломан – стрелка не движется. Зачем они тебе?

Оба молчали, но даже ветер знал, насколько советник Императора и министр не доверяют друг другу.

– Если прошу, значит нужно. Отдай их, Феофан, и очень долго меня не увидишь, – под убранством из перьев прятались длинные острые когти, но и за поясом министра был пистолет.

– Это моя добыча, – отрезал Феофан. – Если ты просишь, то эти вещи очень ценные и должны принадлежать Империи. Разговор окончен.

Надменные взгляды скрестились, осветившись завистью, презрением и ненавистью.

– Забываешься, Феофан. Ты не так давно стал министром. Если ошибешься или еще кого-нибудь пожалеешь, разделишь судьбу заговорщиков.

Химера вылетела в окно, зацепив цветы, стоящие на подоконнике. Ваза упала, расплескавшись волной осколков.

"Если ошибешься или еще кого-нибудь пожалеешь..." – Феофан криво усмехнулся, он слишком хорошо понимал, кто ответственен за происходящее в Элигере, хотя советник Императора и это обернет в свою пользу.

Феофан положил компас и карту в тайник за картиной с изображением бушующего моря.

Министр не видел, что один из имперских прислужников, его помощник Олег, подслушал весь разговор.

Кованая решетка закрылась за Ярошем, даже не заскрипев. Эхо проклятий замучили еще в подземельях имперской столицы, но не страх...

Ярош зло ударил кулаком по решетке. Так попасться... Все было напрасно: и карта с сокровищами, и сбор новой команды, и давние, пришедшие к нему... Враги наверняка уже созывают Суд Империи. Нет сомнения, какое решение он вынесет. И ядом здесь не отделаешься... Неужели ему суждено вернуться за красные стены императорского дворца и умереть там?.. Уж лучше уйти на дно вместе со своим кораблем...

Сокол глубоко вдохнул, чтобы контролировать свои чувства: хватит ныть, никто не заставлял его идти в этот город. Хотя странно, что он совсем не почувствовал опасность, и блеклость окружающего мира не настораживала, будто весь город превратился в ловушку для до сих пор верных Морю и его безграничной свободе. Это бы объяснило такое количество имперцев на улицах Элигерского порта. Если предположение правильное, то самая лучшая компания должна собраться не в графском особняке, а именно здесь, в тюрьме.

Опираясь на решетку, Ярош посмотрел на соседей.

В камере напротив синеглазая брюнетка рисовала на грязном полу волны, наверное, представляя себя на морском берегу.

– Синее море, как днем, зеленое море, когда солнце всходит... – напевала Ирина.

– Замолчи! – гаркнул на нее стражник, стоящий неподалеку.

Ирина перепугано забилась в угол.

– Не трогай женщину! – вмешался Ярош. – За что она здесь?

– Слишком много о море болтает, – огрызнулся стражник. – Ты здесь ненадолго, пират. Стражник ушел в другой конец коридора, где его друзья играли в карты.

– Эй, – Ярош присел, чтобы его глаза и глаза заключенной оказались на одном уровне. – Ты море рисуешь? Какое оно?

– Спокойное, – несмело ответила Ирина, и ее глаза осветились настоящим морем.

По улице шел молодой темноволосый мужчина, его звали Михаилом. Он был счастлив и радовался, что решился переехать на Элигерское побережье: здесь его никто не контролировал, не заставлял выполнять задания, он никому не был должен, все родственники и те, кто называли себя его друзьями, а на деле могли только пьянствовать и сплетничать о чужих женах, остались далеко-далеко... А он так больше тратить попусту жизнь не мог, потому и переехал в чужой город, чтобы отбросить все, накопившееся за прожитые годы. Михаил был свободным сейчас: виделось будущее, легко дышалось, вот только черный щенок приبلудился, признав в нем нового хозяина.

– Где ты была, я тебя спрашиваю?! – донеслось из открытого окна. – Вернись, маленькая дрянь!

Из дома, размазывая слезы по грязному личику, выбежала светло-русая девочка лет четырнадцати.

– Рита, вернись! Вернись, тебе говорю!

Девочка, ослепленная слезами, споткнулась, упала и разбила колено. От обиды на несправедливый мир она разревелась еще сильнее.

Щенок подбежал к ней, лизнул в щеку. Все еще всхлипывая, Рита погладила его. Обратила внимание и на разбитое колено.

– Больно? – спросил Михаил, подув на рану. – А так? Меньше?

Он ничего не сделал, но нужно, чтобы ребенок поверил, так и его мама делала, когда он приходил домой заплаканный. Девочка прислушалась к ощущениям.

– Меньше... – обрадовалась она. – Я – Рита. А ты кто?

– Михаил.

Из окна вылетел обрывок ругани.

– Твои родители?

Рита кивнула.

– Они напьются и дерутся, а мне от обоих достается. Можно, я к ним не вернусь? Можно, Михаил?

– Конечно, можно, – позволил мужчина, помогая ей подняться.

– А это твой щенок? – Рита успокоилась, словно его разрешение действительно для нее много значило. – Как зовут?

– Кажется, мой, – почесал затылок Михаил. – А я его еще и не назвал, если честно.

По улице шел почтальон – синяя форма, кожаная сумка со звездами... Рядом с ним красивая темноволосая женщина в простой одежде, которая ей явно не к лицу. На перекрестке они попрощались, и мужчина низко поклонился женщине, а она коснулась его плеча, словно прикосновением благословляла.

Но казалось, только Михаил и Рита видят этих двоих. Почтальон задумчиво посмотрел вслед темноволосой женщине, а тогда направился к соседнему дому.

Привели еще одного задержанного. Заперли в соседней камере. Помятое черное оперение ангела было грязным, на некоторых перьях запеклась кровь. Ирина подняла на него взгляд, улыбка разлилась по ее лицу.

– Светлое, зеленое, как на рассвете, – заверила она, глядя на ангела. – Море...

И словно изменилась после этих слов, куда и делся ее испуг.

– В Элигере устроили охоту? – хмыкнул Ярош. – И сколько ж золота отсыплет министр тем, кто поймал крылатого?

Сокол не видел глаз ангела, но глубины его сердца и непокорная воля отражались во взгляде Ирины: это дар – видеть глубины чужих сердец, и, как всякие подарки Моря, в землях Империи он под запретом.

– Не меньше, чем за голову пиратского капитана, – откликнулся новый узник. – Многих сегодня заманят и поймают. Вот увидишь...

– Молчать! – прикрикнул стражник.

Михаил видел, как почтальон постучал в дверь старого покошенного дома. Но открыла не толстая, склоненная жизнью горожанка, а стройная черноволосая красавица. В темных глазах жили всплески огня. Невероятно, как она с такой красотой попала в бедный квартал.

– Вам письмо, – сказал Айлан, входя за ней в дом. – Вы Феникс?

Женщина обернулась, длинные черные прямые волосы взметнулись, как крылья, едва укрыв ее нежные соблазнительные плечи, не скрытые строгим багрово-черным платьем до пола.

– Что вам нужно? – было видно, что вопрос ее испугал.

– Вам письмо от Яроша Сокола, – почтальон протягивал синий конверт.

Женщина взяла конверт из руки Айлана, но не спешила сломать печать. Темные глаза вспыхнули недоверием и погасли от страха: она тоже чувствовала тенета ловушки, сплетенной невидимым пауком, который заплел серостью весь город.

– Ярош не пишет писем... – но лгать проникновенным глазам незнакомца она не осмелилась, сказав это, не могла не объяснить: – Не пишет после того, как одно его письмо перехватили... В городе с глазами зверя...

– И поэтому его выслали оттуда, – закончил вместо женщины почтальон.

– Нет, Ярош убежал. Вы видели его? Что с Ярошем? – в голосе Феникс проклюнулась нежность, которую она сразу же вырвала с корнем. – Он жив?

– Значит, я не ошибся, и вы действительно Феникс. Но письма нет, – Айлан тоже не мог ей врать. – Иначе вы бы не впустили меня. Ярош в тюрьме. Его арестовали, когда Сокол искал вас. В Элигере со вчера многих задержали, но вам об этом, вероятно, лучше меня известно.

Темные глаза вспыхнули снова, теперь ненавистью. Огонь слизал конверт с ладони женщины, не опалив кожу.

– Когда его схватили?

– Вчера.

– Почему вы не пришли раньше?

– Вас нелегко найти, Феникс. Мне помог давний народ.

Она струсила пепел с ладони, горько усмехнувшись.

– Да, это правда, нелегко. А "Диаманта"?

– Ждет неподалеку. Еще ждет Яроша.

– Ждет...

Ее глаза зловеще смеялись, становясь глубже мрака, когда погасли все звезды.

На борту "Диаманты" царила грусть. Солнце поднималось все выше, начиная ослеплять, а капитан не вернулся, как обещал. На палубе собрались все члены команды, в основном новой, ведь от старой осталось только семеро. Даже Ангелочек и фея устроились на веревке, свисающей с мачты. Хмурая королева Герда сидела на бочке, не раздражаясь присутствием других, низших по происхождению. Улыбался только школьный учитель Константин, мечтавший о путешествиях. Неужели он еще надеется на прогулку с приключениями?..

– Лодки Яроша не видно, – сказал Юран, потому что никто другой не осмелился это высказать вслух. – Что будем делать?

– Следуя пиратскому закону, мы должны уходить отсюда под всеми парусами как можно скорее, – ответил на вопрос один из пиратов, чьего имени Юран не знал, Роксана дернулась, не соглашаясь, но отец крепко держал ее за плечи, а пират продолжал: – Мы бы так и сделали. Только вы другие, не такие, как мы. Вы не пираты. А Ярош выбрал вас для своей новой команды.

– Мне это не нравится, – прошептала Итана Зорин, подруга кивнула.

– Карта сокровищ пропала вместе с Ярошем. Он не вернулся, и ждать капитана дольше опасно, мы даже не знаем, жив ли он. Главный Элигерский порт расположен в низине, высоких холмов нет, мы достаточно далеко, чтобы нас не увидели с берега, но достаточно близко, чтобы не успеть спастись, когда Ярош укажет, где мы его ждем.

– Ярош нас не выдаст! – рассердилась Роксана.

Губы пирата искривила усмешка, ребенок отшатнулся.

– Ты так думаешь, девочка?

Стало тихо. Даже хорошее настроение Константина развеялось, как дым.

– Если капитан начал собирать новую команду, – пират умолк на миг, глядя на чужаков, его голос стал решительным: – Мы должны уйти. Мы так и сделаем. Мы научили вас всему необходимому, с управлением вы справитесь. Мы оставляем корабль вам.

– Это неправильно, несправедливо, – кажется, еще мгновение, и Роксана заплачет от обиды. – Вы не можете бросить нас. Не можете бросить Яроша, своего капитана. Это неправильно!

– Девочка, – голос пирата немного смягчился, хотя, вероятно, не из-за слез, желавших сорваться с ресниц Роксаны, – мы вместе с Ярошем прошли через такое, что вы даже представить не можете, но любое пиратское счастье исчерпывается. Сокол не вернется, а "Диаманта" принадлежит ему...

Он оглянулся на побратимов, будто советуясь в последний раз, но они и знаком не дали ему понять, соглашаются ли. Либо же, кроме настоящих пиратов, никто не знал пиратских знаков?..

– Вы не признаете капитаном никого из нас, а мы не признаем никого из вас. Двух капитанов на корабле не бывает.

– Вы не можете уйти, – голос принадлежал королеве Герде. – Возможно, "Диаманта" – последний пиратский корабль в этих водах.

– Это правда, – пират повернулся к королеве Аталя. – Мы давно не получали вестей от других капитанов, да и нас раньше было больше.

– Вы променяете море на безопасность? – Юрана оскорбляло их недостойное поведение.

– Ни на что нельзя променять море, – все же принц достал до очерстневшей души. – Мы возьмем шлюпку. Двое из вас поедут вместе с нами, чтобы потом вернуть шлюпку на корабль, она нам больше не будет нужна.

– Я с вами, – откликнулся Берн и глянул на Дельфина.

– Я тоже, – согласился Дельфин.

– Это неправильно, – плакала Роксана, отец обнимал ее, но не успокаивал, сам пораженный случившимся: не так должны были начаться их желанные приключения.

Но самым грустным казался Хедин, он отделился от группы и пошел к капитанскому мостику, который охранял Странник.

Шлюпка исчезала в море, тучи нависли почти над водой. По хмурому небу двигалась тень. Птица летела над серыми тучами, подсвечивая их золотым огнем.

– Феникс, – выдохнул Хедин. – Смотрите, там феникс!

Феникс сделал круг над кораблем и, коснувшись палубы, превратился в красивую черно-волосую женщину. Команда окружила ее, но никто не обнажил оружие. Феникс очаровывала красотой, заставляя притупляться чувства опасности и осторожности.

– У меня новости от Яроша, – сказала Феникс, и огонь подсветил ее волосы и платье.

– От Яроша? – переспросил Юран, как и другие, он не отшатнулся от огненного чуда.

– Ярош в тюрьме. Суд Империи не собрать за один день, и слишком много в этот раз желающих войти в его круг. Но все знают, что будет с пиратом, если он встанет перед таким судом.

– А что он натворил? – Киш, которой довелось столкнуться с правосудием Империи, содрогнулась.

Зорин стала рядом с ней в знак поддержки.

– Ничего. Достаточно того, что он пират. Если мы не поможем ему сегодня... – Феникс замолчала, не договорив.

– Мы поможем ему, – заверил Макс. – Но как нам попасть в тюрьму не в кандалах?

– В этот день схватили не одного пирата, – холодно сказала красавица, глядя на Макса. – Боюсь, что другого пути...

Все понимали, что она предлагает, но не каждый пока мог согласиться так рисковать.

– Есть другой путь, – спокойно проговорила Марен. – Я могу провести вас по нему, если вы не побоитесь мне довериться. Этот город не всегда был таким.

К компании присоединился еще один узник. Среднего роста, в дорогом камзоле, волосы темные, аккуратно расчесанные, хотя сейчас уже и начали путаться. На вид настоящий граф. Он в действительности и был графом, его звали Ричардом, перед ним склонялись, и даже министр принимал графа Элигерского как дорогого гостя.

Ангел рассмеялся, когда растерянного графа заперли в камере.

– Интересно, что объединяет графа с преступниками? Или граф убил кого-то? – ангел не скрывал веселья.

– А думаете, как я разбогател? – огрызнулся граф. – Пиратским грабежом и разбоем!

Он не шутил, Ярош это почувствовал по голосу и поднялся, чтобы взглянуть на еще одного товарища по несчастью. Ричард стоял возле решетки, смотрел на него.

– Славными пиратскими подвигами, – подсказал Ярош, наблюдая за графом через прутья решетки.

– Славными... – подтвердил Ричард, опуская взгляд. – Где теперь мой фрегат?..

– Сегодня пиратам не везет, – печально подытожила Ирина. – Если даже графа арестовали...

– Пират всегда останется пиратом, даже нарядившись в графские одежды, – улыбнулся Ричард. – В такой компании наша дорога будет не скучная, хотя и весьма короткая...

– Разговоры! – зло прикрикнул стражник, бухнув по решетке.

– Сам заткнись, гад! – откликнулась Ирина и засмеялась, довольная собой.

Суд Империи не соберется быстро, и советник Императора прав: убить пиратского капитана тогда на улице было не трудно – осудили бы кого-то другого в назидание. Стена ближайшего дома и залп... или на колени – и один взмах его же сабли...

Министр провел по глазам, прогоняя кровавые видения, и встал из-за стола. Было тяжело дышать, как перед грозой. Феофан подошел к окну, открыл его. С моря веяло прохладой и свежестью, но воздух все равно оставался тяжелым, и сердце сдавили то ли усталость, то ли предчувствие чего-то более худшего, нежели происходившее в последние дни.

Они превратили Элигер в ловушку. Капкан тихо лязгнул, и прячущиеся здесь, на побережье, скоро распрощаются с жизнью или со свободой и тогда с жизнью тоже. Власть Моря на этом берегу отступает, оно не сможет защитить тех, кого оберегало все эти годы, враги будут вынуждены проявить себя, а тогда каждого из них поймают. Раньше или позже – советник Императора об этом позаботится. А тем, кто спасется, на самом деле некуда бежать, ведь на островах и других берегах их тоже давно ждут не менее изобретательные ловушки, и советник Императора растянет удовольствие на долгое время. Больше всего он любит охотиться на людей...

Имперский министр поежился: ветер холоднел с каждой минутой, но окно не хотелось закрывать. На горизонте клубились темные тучи, буря приближалась, только она разобьется об стену сильной воли своего противника. Феофан неоднократно видел подобное и каждый раз восхищался: когда чары сильных волей сталкиваются в бою между собой – это непостижимо, величественно и страшно. Он бы и сам хотел также помериться силой с безжалостным соперником, когда цена – собственная жизнь, хотел проверить, чего в действительности стоит...

Завтра министр направится в столицу, в его эскорте будут и кое-кто из заключенных. Жаль, что тем двоим, кого попробовал защитить пиратский капитан, назвав свое имя, удалось бежать. Если бы еще их поймать, он мог бы рассчитывать на такую нужную сейчас благосклонность Императора. И пока есть немного времени, чтобы этим заняться.

Феофан оставил кабинет, не подозревая, что внимательные глаза прислужника следят за ним.

Измена бывает сладкой...

Олег пробрался в кабинет, открыв дверь своим ключом. Этот ключ, как и другие от важных комнат в других городах, был сделан много месяцев назад, когда он со своей женой, спасенной от пыток в подземельях Империи, решил убежать туда, где имперские деньги не в ходу. Только для того эти самые деньги и нужны. Но так окончательно и не решился.

Хрупкая женщина тенью скользнула за ним.

– Я боюсь, Олег. А если нас схватят? – она дрожала.

– Успокойся, Эсмин. Я видел, как Феофан закрывал тайник. Подожди минутку, – Олег старался выглядеть спокойным.

– Зачем нам отобранное у пирата? – Эсмин вздрогнула, оглянувшись на скрип пола.

Но это не люди шли, а грустно стонал старый дом. Много он видел и хорошего, и злого, и даже застал время, когда в Элигере совсем не было имперской власти.

– Оно не принадлежит Феофану, – Олег и сам не понимал, зачем так рискует.

Тайник открылся на удивление легко. Забрав компас, завернутый в грубую ткань карты, супруги вышли из кабинета и тихо побежали к выходу.

И дом не предал их, не выдал стражникам ни одним скрипом или стуком. За окнами потемнело от близости бури, прилетевшей с моря.

– Не уходи, – позвала Айлана Рита.

Почтальон оглянулся на Михаила, у чьих ног улегся черный щенок, и светловолосую девочку, держащую за руку молодого мужчину. Видели ли они, как из окна халупы вылетел яснокрылый феникс?

Их глаза сияют, значит, могли видеть, – приближается гроза и сейчас цвета возвращаются в мир. Серость незримой паутины заклятья отступила, страшись близкого ливня. Но буря теряет силу, накрывая крылом берег, находящийся под чужой властью, – чародей это чувствовал. Стоило где-то спрятаться.

– Я не уйду без вас, – улыбнулся Айлан. – Как тебя зовут, девочка?

Без грома туча прорвалась дождем. Капли падали на подставленную ладонь Риты. Дождь плакал, но по ком?..

Дождь кончился, когда сумерки укрыли город тьмой. Нехотя зажигали огни в бедных кварталах, а особняки-дворцы озарялись царственным неживым светом. На мокром после дождя пляже причалила шлюпка. Юран спрыгнул в прибой, подняв сапогами мерцающие брызги. Принц помог сойти на берег королеве Герде, Тайре, Киш и Марен. Юран и Макс затащили шлюпку в тень валунов, разбросанных по берегу.

Там уже стояла одна шлюпка. В ней что-то белело.

– Тихо – прошептала Марен, подкравшись ближе.

– С "Диаманты", – Макс не отставал.

Девочка, заснувшая в шлюпке, напугано подскочила. В руке она крепко держала порванное платье куклы.

– Не бойся, – величественно улыбнулась давняя, заглядывая в глубокие синие глаза ребенка. – Ты ждала пиратского капитана?

– А вы его знаете? – Полина немного успокоилась, но кукольная одежда все еще была зажата в детском кулачке, словно могла ее защитить.

– Мы его друзья, – ответила Тайра, сейчас, как никогда, похожая на колдунью. Прядь ее волос, снова выбившаяся из-под платка, в сумерках казалась настоящей змеей.

Марен повернулась к команде.

– Видели ее глаза? В них море. Ярош нашел ее, и, подозреваю, не только этого ребенка. Чувствуете, какой тяжелый воздух от чар, лежащих на городе? Хотя ливень их немного ослабил. Нужно привести этих людей сюда. Им всем угрожает смертельная опасность, поэтому я легко их найду.

– А Ярош? – заинтересованно наблюдая за давней, спросила Киш.

– Юран проведет вас по той дороге не хуже меня, – принц кивнул. – Встретимся на корабле.

Все пошли за Юраном, договорившись с Полиной, что девочка будет ждать их здесь, как ждала Яроша. Все верили, что вернутся.

Давняя направилась совсем в другую сторону.

– "Марен... Марен... – шуршало галькой темное море. – Зачем ты сказала тем, кто доверяет тебе, неправду?.."

Марен остановилась, будто не верила, что действительно слышит голос Моря, обращающегося к ней.

– "Марен..." – снова разошлось тихим шуршанием.

Давняя подошла к морю, окунула руку в воду. Капли морской воды переливались серебром в свете луны.

– Я уже и не помню твой голос, – едва слышно молвила Марен, глядя, как с пальцев звездами капает вода. – Столько лет...

– "Он тоже здесь, Марен, – плеском волн и в перекатах камешков предупреждало море. – Он не простит тебе твой поступок. Он убьет тебя. Спасайся, пока не поздно. Возвращайся на пиратский корабль".

– А как же твой пиратский капитан? – высокомерно рассмеялась Марен. – Яроша Сокола казнят, если мы его не спасем. Его отвезут в столицу и будут судить, а тот суд дает большую

власть, и не только над жизнью осужденного. Ярош погубит себя и тех, кого еще осмеливается любить.

– "Но ты же здесь, Марен. Ты не пошла помогать пирату. Ты сама ищешь встречи с тем, кого послушалась. Берегись его, Марен!"

Прикосновение воды стало ледяным, от него холодели пальцы.

Давняя горделиво поднялась.

– Он слаб, слишком много отдал ловушке, слишком долго готовил ее. Я смогу его победить!

– "А зачем тебе эта победа, Марен? – в плеске волн слышался смех. – Ты добровольно отдала ему свою судьбу, подарила свою судьбу другому, и одного поступка мало, чтобы ее себе вернуть. Ты права, он истратил очень много сил, но и сейчас он сильнее тебя".

– Вот мы и узнаем, кто из нас сильнее!

– "Берегись, Марен... Берегись попасть в плен своего желания и чужой воли..." – шептали морские волны, умолкая.

Высокая темная фигура покидала берег.

Олег и Эсмин далеко отошли от особняка, когда бывшему прислужнику Империи захотелось посмотреть, что же они забрали у министра Феофана. Он вытащил из сумки сверток.

– Тряпка какая-то, – с сомнением сказала Эсмин.

В полумраке Олег рассматривал компас. Стрелка не двигалась.

– Ты сломан, – с разочарованием проговорил он. – А я так надеялся найти твоего хозяина.

Стрелка вздрогнула, обернувшись против солнца, и остановилась, затрепетав.

– Я не понимаю, – начала Эсмин, но Олег оборвал знаком ее речь.

– Постой, это направление. Правильно? – стрелка затрепетала снова, немного сдвинувшись. – Идем туда!

– Ты сдурел! Олег, нас уже ищут. Я не вернусь в подземелья Империи! Лучше умереть, поверь мне...

Олег вздрогнул, вспомнив, как спасал бедную танцовщицу, обвиненную в запретных чарах. Но он решил послушаться компаса.

– Нет, любимая, мы должны... попробовать.

Стрелка вздрогнула, указав в другую сторону. Супруги подняли головы, глядя туда, куда она повернулась, и оторопели.

На куче камней, оставшейся от разрушенного дома, сидел русоволосый мальчишка. Его лицо освещал огонек, тихо посверкивающий в прикрытой ладони, в его глазах тоже отражалось пламя...

– Я не верю! – вскрикнула Эсмин. – Таких чародеев больше нет! Не в Элигере! Не в безымянной Империи!

Мальчик поднял на нее взгляд глаз, сияющих ярче звезд.

– Почему нас нет? – мелодично рассмеялся он. – Это вас нет, ибо выплывает память о вас. А пламя будет танцевать всегда. На сухой стерне, на руинах городов или на наших ладонях...

Своим поведением он очень напоминал на вид такого юного давнего, стоящего сейчас на капитанском мостике корабля с черными парусами, но Олег не мог об этом знать. Такой же дерзкий и сильный, только не из древнего народа.

Но кто-то подсказывал этому ребенку, что и как говорить... Эсмин чувствовала чужое присутствие. Она огляделась и увидела тень вблизи деревьев, за которыми начинался обрыв. Тень шагнула в пропасть, превращаясь в темноперую птицу. Сова взлетела над городом, тихо гугукнув.

Огонек в руке затрепетал. Мальчик обеспокоено посмотрел на пламя, советуясь с ним.

– У вас есть то, что вам не принадлежит. То, что позвало вас сюда.

– Да, есть, – почему-то Олег не удивился. – Мы хотим вернуть эту вещь хозяину.
– Я пойду с вами, – Юрий поднялся с камней, зачарованное пламя в его глазах угасло, как и огонь на ладони. – Куда теперь указывает компас?
Компас указывал на море.

Марен шла через город, прислушиваясь к своим ощущениям. След был четким, кто-то сильный, владеющий чародейскими способностями, встречался с Ярошем Соколом, и теперь все его мысли обращались к пиратскому капитану. Такие мысли властны коснуться чужого сна и на большом расстоянии, и потому они необычайно опасны, ведь их может почувствовать каждый, умеющий слушать мир. А давние умеют слушать мир даже лучше, чем чародеи. И зря этот смельчак считает, что давший им приют точно также верит в свободу и древнюю власть морской безграничности...

Калитка во двор приоткрыта, на освещенной террасе дома фигуры за столом. Давняя вошла.

Люди замолчали, оборвав разговор. Один из них одет в форму почтальона, на плечи падают волнами темно-каштановые волосы, в свете лампы пуговицы на форме кажутся золотыми.

– Я же говорил вам, – закончил оставленную фразу Айлан, без страха глядя на Марен. – Ты из давнего народа, ты Марен... Я видел тебя в столице, хотя и издалека. И еще видел в чужом сне кого-то, похожего на тебя. Здесь ты настоящая?

– Хочешь проверить, настоящая ли я, чародей? – сквозь улыбку холодно спросила давняя. – Или отваги не хватит?

Кроме Айлана, на террасе еще сидели Рита, украдкой кормившая щенка под столом; Михаил, делающий вид, будто этого не замечает; и хозяин дома – темноволосый и красивый богатый горожанин.

Тень упала на двор, качнулась ветка на засохшем дереве. Тень была белокрылой. Все давние умеют слушать мир...

Айлан и Михаил вскочили, спокойно встал хозяин дома.

Но поздно было убежать. Белокрылая Химера стояла на земле, ветер касался пышного оперения. Зарычал щенок, совсем как взрослый пес.

– Властью Империи, – начал советник Императора, но договорить ему не довелось.

Марен встала между людьми и Химерой.

– Хоть властью самого Императора! – зло засмеялась она. – Ты уберешься отсюда. Здесь нет твоей власти!

– Нет, предательница, здесь есть моя власть, – ласково откликнулась Химера с такими же угрожающими интонациями, как и у Марен. – Ты перестала выполнять возложенные на тебя обязательства, и всесветлый Император лишил тебя поста. Тебе дарован покой. Вечный!

Советник Императора замахнулся, но Марен воздела руку, и движение противника замедлилось, останавливаясь совсем.

Они не касались друг друга, но воздух звенел от чар. Жалобно заскулил щенок. Погасла лампа на террасе.

– Не тебе... со мной... тягаться... – медленно проговорила Марен.

– Зря ты бросила мне вызов, – тяжело дыша, ответила Химера.

Советник Императора ударил двумя видениями: одно нацелено на веру в чудо творения, другое отбирает у людей душу и разум, оставляя вместо них пустоту.

Марен упала на одно колено, отбив оба видения прозрачными крыльями, на которых засияли звезды. Химера ступила шаг к людям, внезапно прислушалась и, пронзительно крикнув, взмыла в звездные небеса. Тучи уносило ветром, но исчезла тяжесть, саваном окутавшая

Элигерский порт, словно все те чары обратились в пепел в поединке принадлежащих к давнему народу.

Сомневаясь лишь мгновение, Рита, Михаил и Айлан подбежали к Марен. Только хозяин дома провожал взглядом Химеру.

– Ты ранена? – испугался Айлан.

– Что это было? – Риту трясло, крик все еще звенел в ушах.

– Отчаяние, – Марен поднялась, отклонив их руки, она казалась постаревшей, или так падал неяркий свет из окон дома.

– Ты предала? – удивился Михаил. – Кого?

– Мне надоело отбирать жизнь по приказу, – неохотно ответила Марен. – И я больше никогда не буду служить Императору. Надо мною только вечность, – она потрянула головой, приходя в себя. – Советник Императора улетел, и я смею надеяться, что у наших друзей все получилось. Мы должны успеть на корабль раньше, чем за нами пошлют погоню. Кто желает стать пиратом?

Давняя улыбнулась так непринужденно, будто ничего не случилось.

– Боюсь, вы не успеете, – хозяин держал ружье. – Подождем солдат.

– Сволочь, – Айлан попробовал, было, ступить к предателю, но ружье сразу взглянуло на него. – Почему ты не отравил нас за ужином?

– Потому что вы нужны Империи живыми. Не все кончено. Но ты и давняя нужны.

Как он увидел, что Михаил качнулся к нему? Но враг выстрелил, попав мужчине в грудь. Михаил упал. Рита закричала, бросившись к товарищу.

– Вас трое, а пуля одна. Выбирайте, кто следующий.

Михаил захрипел, рана была смертельной.

– Нет, – Рита всхлипывала. – Неправда! Ты не можешь умереть...

– Рита, – прошептал Михаил, но свет в его взгляде угасал, – не плачь. Сегодня... я жил по-настоящему.

Рита разревелась. Айлан закрыл глаза, воздух взрывался гневом.

– Забери ребенка, она не должна это видеть, – бросила Марен, идя к врагу.

Мужчина медлил, ему воли не хватало нажать на курок во второй раз.

– Пойдем, Рита, – Айлан насильно поднял девочку.

– Никуда вы не пойдете, – предатель выстрелил Айлану в спину, но Марен крылом отбила пулю.

– Теперь ты умрешь, – прошипела давняя, по воздуху преодолев расстояние до хозяина.

Полупрозрачные крылья обняли мужчину, по перьям текли искристые волны, отбирая у него жизнь. Одна волна плеснула на террасу и загорелась настоящим пламенем.

– Рита, идем, – Айлана и самого поразили чары давней, но девочку он успел прижать к себе, чтобы не видела.

Щенок побежал за ними. В огонь падали сломанные перья с крыльев Марен. Совиные перья... Почему-то последнее превращение тяжело ей далось. Пошатываясь, давняя сошла с террасы, а огонь перетек на дом, на засохшее дерево и забор.

К утру здесь все сгорит.

"Этот город не всегда был таким. Покажи, каким ты был", – еще звучало в памяти заклятье Юрана.

Принц вел друзей по темной дороге, строго запретив отклоняться в сторону, только за ним, шаг в шаг по сияющим следам. Но следы тускнели, пол обрастал каменной плотью.

– Стойте, – тихо промолвил Юран, нащупывая что-то перед собой. – А теперь, – он толкнул стену, – мы на месте.

Стена подалась, впустив их в слабо освещенное подземелье.

– Как ты узнал, что здесь есть проход? – удивилась Герда.

– Тут не всегда была тюрьма, правильно? – усмехнулся Юран. – Элигерский город об этом помнит, он нам помог.

Заключенные поднимались с пола. К одной решетке прислонилась синеглазая брюнетка, за другой зашелестело оперение ангела.

– Черт возьми! – Ричард не верил своим глазам. – Ярош, это не за тобой?

– За мной, – руки Яроша все еще были закованы в кандалы. – Не поздно ли, ребята? Простите, дамы, – он, шутя, склонился перед королевой.

Макс попробовал толкнуть решетчатую дверь, но она была сработана на совесть. Империя следила, чтобы узники не возвращались на волю.

– Ключи нужны или... – Макс не договорил, Киш коснулась металла, сразу отдернув руку.

– На них заклятье. Я попробую его снять... только зачем заклятье здесь, я не понимаю, – она хотела приблизиться к решетке, но Тайра остановила ее.

– Я сниму это заклятье, – дочь колдуна коснулась своей непослушной пряди, обкручивая ее вокруг запястья, и волосы превратились в кнут, лоснящийся змеиной чешуей. – Отойдите!

Она ударила по замку, приглушенно зашипела змея, затрещала хвостом, и дверь открылась.

– Молодец! – не удержалась Герда. – Дай мне попробовать.

– Не время! – Макс уже слышал топот охраны.

– Освободите остальных, – Ярош выбежал из камеры.

Тайра, танцуя, сбивала замки на других камерах. Через несколько мгновений узники были свободны. Ирина, не сдержав чувств, повисла у ангела на шее, но тот мягко отстранил женщину.

По коридору бежали трое стражников-картежников, больше похожих на головорезов, чем на безликих солдат Империи.

– Уходите, мы их задержим! – крикнула Тайра.

И вместе с Киш они перегородили проход.

– Змеи кусаются, – сладко предупредила дочь колдуна.

От яда этой зачарованной змеи спасения не знали. Женщины догнали друзей возле тайного хода. Стена стала на место.

Министр не мог заснуть, тревога не давала сомкнуть глаз. Переодевшись, Феофан вышел из спальни.

На окне сидела облаченная в белое фигура, чьи руки срослись с крыльями.

– Тебя предали, министр, – с насмешкой проговорил советник Императора. – Пиратские капитаны сбежали. Почему ты не убил их?

Министр ответил не сразу, взвешивая каждое слово.

– Досадно. Мы поймаем беглецов. Это не дело государственной важности.

– Ты глупец, Феофан. Корабль с черными парусами видели неподалеку от порта. На этом корабле твоя и моя гибель. На этом корабле гибель всей Империи. Ты что, не понимаешь этого, министр?

Феофан махнул рукой, не веря.

– Что может сделать один корабль против могущества всей Империи? – хмыкнул он.

– Ты забываешь, министр, – прошипела Химера, – что совсем недавно все моря принадлежали пиратам. Ты знаешь, что может натворить один настоящий пират, попадая в наш город. Ты видел это на Элигерском побережье собственными глазами. А если их будут десятки? И почему этот? Почему Ярош Сокол? Зачем судить, если можно сразу казнить?

– Ты такой мудрый, почему же ты не министр, советник Императора?

Химера оскалилась.

– Плох министр, не желающий больше власти, чем у самого Императора, – Феофан отшатнулся, а Химера безжалостно продолжала: – Ты верно служил Империи, с какой грустью будут говорить о твоей измене.

Феофан выхватил пистолет, который всегда носил с собой, и выстрелил. Пуля не причинила вреда советнику Императора.

Химера поднялась в воздух, толкнув Феофана. Блеснули когти, выбив оружие из слабых людских рук. Острые лезвия остановились возле горла министра.

– Разве может смертный убить кого-то из давнего народа?

– Но пираты вас убивают, – прохрипел министр, косясь на лезвия когтей, что могли лишить его жизни в любое мгновение.

– Пираты. Но не такое ничтожество, как ты, – Химера неохотно убрала когти. – Ты докажешь свою верность Империи, потопив корабль с черными парусами. Отправь за ним весь наш флот. Корабль должен быть уничтожен, а вся команда мертва. Помни, Феофан, что у советника Императора есть право казнить предателей без суда.

Феофан тер распухшую шею, ему казалось, что по коже уже течет кровь.

– А почему ты сам не побережешься на корабль Сокола и не утопишь их всех? Ты же можешь превратиться в кого угодно.

Химера хищно зашипела: министр мстил и знал об этом.

– Сокол дрался со мной. Он узнает меня в любом обличье. Даже под видом невинного ребенка. Ты меня понял, министр. Иначе все, что ведомо мне, будет известно Императору.

Советник Императора улетел в ночь.

Феофан подошел к окну, чтобы его закрыть. Безоблачное небо в россыпи звезд, море внизу успокоилось, а гребешки волн посеребрила лунная дорожка – так спокойно и уютно, даже не верится, что сегодня в Элигере было пролито немало крови, а некоторым только чудом удалось избежать плена и смерти.

Министр коснулся шеи, где оставили холодный след лезвия Химеры.

Давний народ, чародеи, имперские командиры и пиратские капитаны... Феофану было трудно признать: иногда он в тайне завидует, ведь они умеют то, чего не умеет он сам. Министр смотрел на темное море... Он потопит пиратский корабль с черными парусами, который сейчас прячется где-то там, за горизонтом. И поступит так не из-за угрозы советника Императора, и пусть тот будет рядом, когда пылающий пиратский корабль уйдет под воду. А что делать с врагами, оставшимися в живых во время боя, решать Химере – пусть тешится, пока развлечение не наскучит.

Феофан закрыл окно, отгораживаясь стеклом от ночной прохлады и шуршания моря.

Глава 7

Ричард, граф Элигерский

Подземный ход привел беглецов на площадь. Усталый город спал, издалека доносился стук копыт запоздалого экипажа. Ближе к морю занялось оранжево-огненное зарево пожара.

– Ярош, вытяни руки, – попросила Киш.

Ярош так и сделал, и змея кнута Тайры перекусила цепь.

– Где ты этому научилась? – с завистью спросила Герда, когда змея снова превратилась в непослушную прядь.

– Мой отец – колдун, а я его дочь, – девушка совсем не хотела обсуждать свои умения.

– Нас ждут на "Диаманте", – напомнил Макс.

– Мне нужно кое-кого забрать, – Ричард немного нервничал.

– Кого еще? – рассвирепела Герда.

Но Ричард не обратил внимания на ее возмущение и обернулся к Ярошу.

– Сокол, позволь мне забрать с собой нескольких своих людей.

– Иди, Ричард. Мы подождем вас, – Ярош был настолько счастлив оказаться на воле, когда смирился со своей судьбой, что, не задумываясь, сделал такой роскошный подарок.

Кому еще удавалось спастись из имперского плена дважды? Он верил, что, покинув тюрьму, уже освободился.

– За нами наблюдают! – Юран указывал на балкон.

Мужчина, на чьей шее белел шрам, направлял на них пистолет.

– Пираты, – процедил сквозь зубы Меченый. – Вам не убежать. А я разбогатею.

Ричард исчез и появился у Меченого за спиной. У морского волка уже не было прежней реакции, и его пуля просвистела, ни в кого не попав.

– Забыл, как сам был пиратом, друг? – Ричард выкрутил ему руку.

– Ты не с ними, граф, – простонал Меченый. – Мы изменились. Мы забыли, как ветер дует в паруса.

– Я никогда не забуду, – Ричард отпустил товарища. – Хочешь пойти с нами? А сокровищ и тайн на морских просторах и сейчас хватит на всех.

Меченый вздохнул: прошлое не может перевесить сегодняшнее, не может...

– Я не знаю.

– У тебя три секунды, чтобы выбрать, дружище. Или я сброшу тебя вниз.

– Тогда какой может быть выбор, капитан? – в глазах Меченого вспыхнула ненависть, но лишь на миг.

Ричард, к сожалению, не видел этого. Граф смотрел на площадь, куда по улице бежали солдаты в серой форме.

– Ярош! – Ричард успел предупредить товарищей по заточению.

Пираты дрались на смерть с солдатами, воспитанными имперской столицей. С клыков кнута-змеи капал яд. Колдовала Киш. Даже Герда, все еще воспринимающая драку как приключение, которым можно похвастаться перед его величеством Александром, была непревзойденной. Она застала то время, когда принцесс учили не только нотной грамоте и этикету. Пospорить с Юраном в искусстве боя не мог никто, хотя было видно, как он устал. Макс прикрывал спину чужеземного принца.

Ирина и ангел спрятались в тени дома, не вмешиваясь в драку, и только у Яроша не было оружия.

На площадь выбежала девушка, огонь сорвался с ее пальцев, попав в одного из солдат. Увидев ее, Меченый, которого Ричард уже отпустил, обреченно вздохнул.

– Если тут твоя Лаура, то я вспомню прошлое. Но из нашей команды в живых остался только один человек.

– Тогда найди товарища, пока его не поймали имперские солдаты, – усмехнулся граф Элигерский. – Спускаемся.

Они исчезли и появились уже на земле. Ричард обнял девушку, поцеловал в макушку. Лаура низко поклонилась ему, ее платье из тонкого полотна и пшенично-русые волосы казались молочными в лунном свете.

Вмешиваться в драку графу не было надобности: пираты победили. Они никого не убили, но раненные солдаты и не могли умереть. Их жизни, как и смерть, принадлежали Императору.

– Вы говорили, что у нас нет времени. Корабль ждет. А мне не хочется встречаться с советником Императора. Он сегодня не в настроении, – Ричард видел, как белая тень вылетела из дома министра.

– Пойдем скорее, – Ярош хотел как можно быстрее вернуться на "Диаманту".

Этот Элигерский порт почти ничего ему не дал, кроме новых членов команды, но отобрал саму цель путешествия – вместе с картой. И компас, что мог привести к любому берегу. Ярош

держался из последних сил, чтобы его не накрыло волной отчаяния, спасение уже не казалось чудом. Лучше бы он остался в тюрьме, тогда бы у него был хоть какой-то смысл жизни, пусть и ненадолго.

Юран догнал капитана.

– Мне не нравится этот граф, он хуже нашей спесивой королевы. Он чужой, – принц не мог объяснить, что чувствует. – Есть разное чародейство. Его чары мне не нравятся.

– Но глаза Ричарда светятся морем, – попробовал возразить Ярош, ему и самому не очень нравился граф.

– Глаза многих людей светятся морем, – тихо запротестовал принц, оглянувшись на графа, который шел, держа за руку Лауру.

– К сожалению, уже нет, – отрезал Ярош. – Если мы взяли с собой Хедина, то и эти не помешают.

– Как скажешь, капитан, – но Юран не мог согласиться с этим решением, он видел, как отстал Меченый.

На берегу их ждали. Четыре фигуры, словно тени, – две высокие, две низкие. Обе шлюпки на воде, в одну садятся люди. В темном море застрекотал Дельфин.

– Ярош! – одна тень оказалась Полиной, девочка радостно обняла капитана.

С ней были Феникс в сопровождении грациозной дамочки, одетой в багровый бархат, и Странник.

– Феникс! – не поверил своим глазам Сокол. – Я тебя искал в Элигере!

Пират отстранил девочку. Феникс и Ярош взялись за руки.

– Я боялся, что мы больше не встретимся, – они не спешили отпускать друг друга, и в этом прикосновении вспыхнули угасшие чувства.

– Вас ждут на корабле, – напомнил Странник, усмехнувшись, он поклонился Фениксу, одобряя ее выбор, а вот Ричард ему тоже не понравился.

Хедин просто раздражал многих, а от графа веяло тьмой, настоящей тьмой, замешанной на крови. Ричард тоже внимательно смотрел на мальчика с изменчивыми глазами.

– Это моя подруга Магда, – отрекомендовала дамочку с роскошными темными волосами Феникс. – Она вампирша. На корабле об этом уже знают. Твоя команда не против.

– Тогда так тому и быть, – согласился Ярош.

– Нет, – возразил Ричард.

Он очень изменился после побега из тюрьмы. Он привык командовать, и ни с кем властью делиться не собирался. Никакой.

Ярошу это очень не понравилось, а граф продолжал:

– Вампирам не место на нашем корабле. Я этого не потерплю.

– Граф, ты не капитан, – но возразил не Ярош, а Странник. – Никто из нас тебе подчиняться не станет.

– Не смей, – графу было тяжело сдерживать чувства, встретившись взглядом с давним.

– Ты не смей, граф.

Казалось, эти двое говорили не только словами. Даже Ярош их не понимал, хотя чувствовал, как на безмолвный спор откликается мир.

– Тогда я остаюсь. И мои друзья тоже. И вы никогда не найдете то, что ищете. Ты не знаешь, чье присутствие нужно, чтобы рисунок появился на твоей карте сокровищ.

– Карту и компас у меня отобрал министр Феофан. Их не вернуть. О сокровищах можешь забыть, Ричард!

– Пусть о сокровищах можно и забыть, – Ричард сощурился, с усмешкой глядя на Яроша, – но ты знаешь, что будет с нами, если мы останемся в Элигере. Ты себе это простишь?

Это было подло. Очень подло. Даже хуже, чем поступил Хедин.

Море блестело железом. Неживое, закованное в металл, ограничивающий свободу и отбирающий волю.

– Мы поплывем с вами, если все мои друзья будут на этом корабле.

Вернулся Меченый с Козырем, одним из подчиненных графа. Козырь мало в чем отличался от солдат Империи, только глаза не пустые, но слишком мутные, а взгляд скользкий, недобрый. Ирина поежилась, ангел укрыл ее крылом. А вот Лаура была весьма приятным человеком, и, похоже, она не понимала, о чем говорит граф и какую страшную судьбу пророчит и себе, и ей...

– Или мы будем вместе, или навсегда расходимся. Так как, Сокол? Решай, – глаза Ричарда больше не смеялись и были серьезны, будто превратились в темные льдинки.

Как поступить, Ярош не знал. Если бы у него был компас в эту минуту! Но подсказать некому...

– Только помни, Ричард, это мой корабль...

Ричард усмехнулся, соглашаясь.

Макс, Тайра и Полина сели в шлюпку, где уже были Айлан, Рита и Марен. Там еще оставалось место для Яроша. Киш, Юран, Герда, Ирина, Ричард и его друзья заняли другую. Феникс, вампириша Магда и ангел полетели на корабль.

Странник задержал Яроша.

– Почему вас не поймали? Где погоня? Мне это не нравится. Море и имперские прислужники соперничали волей. И их чары сильны, Ярош, – буря лишь дождем зацепила Элигерский берег. Море тоже молчит, скованное чародейством, волнам нужно время, чтобы освободиться. Нас просто так не отпустят, капитан.

Ярош отвернулся, не желая сейчас смотреть в изменчивые глаза давнего.

– На корабле столько давних, разве вы не сможете нас защитить?

– Это зависит от того, кого пошлют за нами. Если за нами погонится советник Императора, а на корабле будут предатели... – Странник не забавлялся, его действительно пугала эта мысль, как и самого пиратского капитана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.